

A H U M Y C



ДЕЛО  
ПОБЕЖДЕННОГО  
БРОНТОЗАВРА

**Анонимус**  
**Дело побежденного бронтозавра**

## Пролог. Старший следователь Волин

Давно уже старший следователь не видел полковника Щербакова таким задумчивым.

Когда Волин вошел в кабинет, непосредственное начальство стояло у окна и смотрело на улицу. Что именно оно там высматривало, понять было совершенно невозможно. Старший следователь на всякий случай тоже выглянул в окно из-за широкого полковничьего плеча – и ничего там не увидел. То есть не то чтобы совсем ничего, но, скажем так, ничего особенно нового. По улице ехали те же автомобили, что и вчера, шли те же прохожие, не говоря уже о домах, некоторые из которых стояли тут уже со времен царя Гороха.

– Садись, Орест Витальевич, – не оборачиваясь, негромко сказал полковник.

Волин удивился: по имени-отчеству Щербаков звал его раз примерно в сто лет, ну, или немногим чаще. Тем не менее на стул он сел и приготовился ко всему – от увольнения до вручения ордена «За заслуги перед Отечеством» четвертой или даже третьей степени. Какие такие особенные заслуги могли быть у него перед отечеством, Орест Витальевич не знал – на то есть вышестоящее начальство, ему судить сподручнее. Он же сам по совету Пушкина, не дрогнув, примет и увольнение, и орден.

До орденов, впрочем, дело не дошло, о чем можно было догадаться и самому: ордена у нас обычно вручает не непосредственное начальство, а глава государства. Правда, и увольнять его тоже не стали, и это была хорошая новость, потому что идти куда-нибудь вахтером майор юстиции Волин совершенно не хотел – он чувствовал себя еще слишком молодым для такой абстрактной должности.

Полковник наконец отвернулся от окна, сел за стол напротив Волина и, глядя куда-то мимо него, произнес загадочную фразу:

– Совсем озверел...

Кого именно полковник имеет в виду, старший следователь даже думать не хотел. То есть он, конечно, мог догадываться, но предпочитал этого не делать. Потому что оперативная сметка – вещь хорошая, но всякая сметка хороша в рамках конкретного уголовного дела. Если же ты свою догадливость начнешь пихать всюду, куда только можно, то ни к чему хорошему это не приведет. Пусть уж руководство само скажет, кого оно имеет в виду, когда использует такие непочтительные формулировки.

– Совсем, говорю, озверел народ, – продолжал полковник.

Ах, вот о ком речь! Ну, это зло еще не так большой руки, да и нет в этом ничего нового, народ – он на то и народ, чтобы время от времени звереть. Как это говорит старая пословица: не озвереешь – не покаешься? Вышеупомянутый Пушкин, как известно, тоже говаривал: «Да здравствует русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Впрочем, нет, у Пушкина это было как-то по-другому, общий смысл сводился к тому, что не надо нам никакого бунта – ни русского, ни тем более иностранного. Хватит и того, что они нам тут без всякого бунта устроили...

– Что-то случилось, Геннадий Романович? – любопытствовал старший следователь.

– Случилось, брат, – вздохнул полковник. – Священника убили, отца Георгия.

Имя это ничего не говорило Волину, тем более что Щербаков по принятому православному обычаю назвал священника только по имени, без фамилии. Но, может быть, священника этого лично знал сам полковник?

– Не знал, – отвечал Щербаков, – да это тут и ни при чем вовсе. Я в общем смысле рассуждаю. Понимаешь, майор, в жизни, какой бы она ни была сумасшедшей, должны быть какие-то святые вещи. Есть категории людей, которых, по моему мнению, убивать нельзя ни при каких обстоятельствах. То есть это я не к тому говорю: убивать, конечно, вообще никого не надо. Но когда убивают, например,

детей, беременных женщин, врачей там, учителей, священников, лично меня какой-то непонятный страх охватывает. Как будто не среди людей мы живем, а в диких джунглях, среди львов и крокодилов...

– Так точно, товарищ полковник, именно там мы и живем, – подтвердил Волин.

Начальство бросило на него острый взгляд: не издевается ли над ним, случаем, подчиненный-карбонарий? Но старший следователь смотрел совершенно серьезно, без какого-либо намека на улыбку.

– Что известно об убитом? – спросил Волин.

Оказалось, покойный Георгий Вельяминов был молодым еще мужчиной, ему не исполнилось и тридцати. Священником, впрочем, он был тоже молодым, рукоположили его менее года назад... А вообще, вот адрес храма и телефон настоятеля, пусть господин старший следователь, он же товарищ майор, сам всех, кого надо, и расспросит.

\* \* \*

Старший следователь, не искушенный в богослужебных делах, попал в храм Троицы Живоначальной прямо в разгар всеобщего бдения. Свечи подрагивали живым огнем перед образами, алтарный иконостас поднимался вверх, и лики святых под высокими церковными сводами смутно мерцали в вечерней полутьме. Хор пел величественно и печально, немногочисленные прихожане крестились и кланялись, и старшему следователю тоже почему-то захотелось перекреститься и склонить голову в память о незнакомом ему отце Георгии.

Женщина в темном платке, принимавшая записочки и продававшая свечи, сказала Волину, что до конца вечерней службы осталось еще часа полтора, не меньше. Тот задумался: терять полтора часа на ожидание ему не хотелось. С другой стороны,

выдернуть настоятеля посреди богослужения для разговора было, разумеется, делом совершенно невозможным.

– А вы крещеный? – спросила женщина, видя его колебания.

– Крещеный, но не воцерковленный, – коротко отвечал Волин.

– Это ничего, все равно постоит, послушайте. У нас службы хорошие.

Старший следователь удивился: он не знал, что службы бывают хорошие и плохие. Своей наивностью он даже немного повеселил собеседницу. Не хорошие и плохие, уточнила она, а есть, в которых благодать чувствуется, и есть такие... безблагодатные.

– А вы с отцом Георгием были знакомы? – спросил он.

Лицо у собеседницы стало грустным, она смахнула слезинку. Конечно, она знала отца Георгия, да и как не знать, он вторым священником служил в храме.

– Очень был хороший батюшка, внимательный, добрый, – вздохнула она. – Больше всего матушку его жалко, совсем молодая, у них даже и детишек еще не было.

– А телефон матушки у вас есть? – спросил Волин.

– У меня нет, но отец Амвросий знает.

Настоятель храма отец Амвросий оказался классическим русским попом – высоким, дородным, с крупными суровыми чертами лица, львиной гривой и большой седеющей бородой. Внушительный наперсный крест во время служения пускал легкомысленных зайчиков, черная ряса обнимала тело священника, словно облако, увеличивая и без того крупную его фигуру.

– Вы меня простите, что я буду задавать странные, может быть, и даже дикие, с вашей точки зрения, вопросы, – сказал Волин настоятелю, когда тот вышел к нему после службы, – однако таков порядок следствия.

Отец Амвросий молча кивнул, глаза его карие сейчас казались почти черными, в них мерцал грозный огонь, как будто не следователь стоял перед ним, а сам убийца. Ишь ты, подумал Волин, глазами жжет, как лазером, видно, боевой поп. И продолжил.



– Скажите, не было ли у отца Георгия врагов среди прихожан, причта или людей, служащих при храме?

– У священника один враг – Сатана, – густым голосом отвечал настоятель, – люди же, даже самые отпетые, ему не враги, а лишь заблудшие души, которых надлежит наставить на путь истинный.

Старший следователь подумал, что отец Амвросий почему-то виляет, не хочет отвечать на вопрос прямо. Впрочем, может, у них тут так принято – не подозревать без серьезных оснований. Как это там сказано в Евангелии: всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду? Однако же с таким подходом убийцу нам придется искать очень долго. Придется поднадавить слегка на отца настоятеля.

– И все же, – Волин говорил мягко, но настойчиво, – попробуйте вспомнить, не было ли конфликтов, пусть даже и самых мелких, или просто непонимания между покойным и паствой? Может, он на кого-нибудь слишком суровую епитимью наложил или что-нибудь в этом роде, обидел кого-то?

Священник отвечал в том смысле, что народишко у них, конечно, дикий, но не до такой степени, чтобы за епитимью лишать пастыря жизни. Да и какую тот мог наложить особенно суровую епитимью – «Отче наш» сто раз прочитать? Или, может быть, пост усиленный назначить? Нет, отец Георгий был мягкий, добрый человек, совершенно не склонный к конфликтам, и на его, отца Амвросия, памяти не было у него ни с кем никаких распрей.

– Тогда, может быть, у убийства этого имеется религиозная подоплека? – спросил Волин. – Фанатики какие-нибудь... Бывали же случаи.

Настоятель покачал головой. Случаи бывали, конечно, вот только этот случай на прежние не похож. Миссионерской деятельностью отец Георгий не занимался, по идейным вопросам ни с кем не сталкивался, у него даже аккаунта своего в соцсетях не было. О существовании такого пастыря среди мирян знало только совсем небольшое количество прихожан храма, где служил убиенный.

– А вы-то сами как думаете, кто убил отца Георгия? – спросил Волин.

– А Сатана и убил, – отвечал отец Амвросий безапелляционно.

Старший следователь слегка опешил. То есть как – Сатана? Это так следует понимать, что отец всякой лжи оставил срочные дела в преисподней, поднялся на поверхность, подстерег священника на его собственной подмосковной даче, ударил кирпичом по голове и был таков?

– Нет, конечно, – поморщился настоятель. – Сатана убил не сам, разумеется, а руками какого-нибудь бесноватого. Плохо, что случилось это за городом, а не в городе. В городе всюду камеры, наверняка записи бы остались.

Старший следователь согласился. Увы, в доме отца Георгия камер не было, и не могли они запечатлеть страшный момент его гибели. Что ж, придется, видно, опрашивать всех, кто при храме состоит, может, из них кто-то что-то знает...

– Можно и расспросить, если время девать некуда, – кивнул настоятель. – Вот только вряд ли вам кто-то скажет что толковое. Отец Георгий совсем недолго у нас служил, с людьми по-настоящему сойтись не успел, даже я о нем почти ничего не знаю. Мой вам совет: отправляйтесь прямиком к жене его, матушке Серафиме. Она единственная может что-то знать доподлинно.

Волин взял у настоятеля адрес и телефон матушки Серафимы и откланялся. За окном было уже темно, и он заколебался – не побеспокоит ли он несчастную вдову, если явится к ней в дом так поздно? Может быть, назначить встречу на завтра?

С тем он и позвонил по номеру, который дал ему настоятель. Однако матушка Серафима, услышав, где работает Волин, сказала просто:

– Если можете, приезжайте прямо сейчас...

Нечасто к работнику Следственного комитета проявляли такое расположение, и он решил ехать, не дожидаясь завтрашнего утра.



Уже через час Волин сошел с электрички в Жаворонках и углубился в тускло освещенные закоулки дачного поселка. Еще лет пятнадцать назад здесь по вечерам можно было плутать невесть сколько, но сейчас навигатор в смартфоне вывел его к цели кратчайшим путем.

Окруженная хлипким покосившимся забором, дача отца Георгия оказалась не дачей, а скорее деревенским домом, который смотрелся бедным родственником среди респектабельных двухэтажных строений.

– От бабушки с дедушкой достался, – объяснила матушка Серафима, пуская его внутрь.

На самом деле матушка была никакая не матушка, а совсем еще молодая, даже можно сказать, юная женщина с исплаканным, но каким-то очень ясным и чистым лицом, одетая в простое черное платье.

– Меня Серафима Владимировна зовут, – сказала она, когда Волин еще раз представился, теперь уже вживую, а не по телефону. – Чаю будете?

Старший следователь развел руками: не хотелось бы затруднять хозяйку...

– Не затрудните, – просто отвечала она. – Когда живая душа рядом, мне легче становится.

Возле этой женщины Волин чувствовал себя как-то странно, словно его в воздухе подвесили, и никак не мог найти нужного тона.

– Я, к сожалению, с пустыми руками, – проговорил он несколько виновато.

– Ничего, – отвечала Серафима Владимировна, – у нас все есть. И варенье есть, и сухарики.

Тут вдруг она умолкла и как-то беспомощно улыбнулась, глядя на него.

– Вот видите, – сказала, – до сих пор говорю – у нас. Никак не могу поверить, что Георгия уже нет со мной.

Она закусила губу и отвернулась.

«У бога мертвых нет», – вспомнилось вдруг Волину, но говорить это вслух он не стал. Такое можно говорить тому, у кого все близкие живы и здоровы, а не женщине, у которой только что страшной смертью погиб муж.

Пока поспевал чай, старший следователь обошел гостиную, с интересом разглядывая обстановку. Все в доме, от мебели до чайного сервиза, было самое простое, бедное, кроме, пожалуй, икон на стенах. Но не иконы привлекли его внимание – Волин заметил лежавший на столе открытый фотоальбом. Большая фотография в альбоме неожиданно заинтересовала его – точнее, не сама фотография, а люди, смотревшие с нее. На фото было три человека – два совсем молодых и один постарше, коротко стриженный, с широким лицом и тяжелым взглядом исподлобья. Старший следователь почувствовал, как сердце его забилось быстрее.

– Кто это? – спросил он с безразличным видом, кивая на фотографию.

– Это? – Серафима секунду смотрела, словно не узнавая, потом подошла, коснулась фотографии пальцами. – Это отец Георгий с друзьями.

– А что за друзья? – Волин по-прежнему не отрывал взгляда от фотографии, словно боялся, что она растворится в воздухе.

Серафима Владимировна покачала головой. Вообще-то отец Георгий не любил эту фотографию, хотел даже сжечь ее, но она припрятала. Муж ей тут очень нравится, такой юный, смешной. А друзья – это... Друзья как друзья. Один, который помоложе, Валера. А который постарше – его она не знает.

Зато Волин знал. Старшим другом покойного отца Георгия оказался глава российского отделения японской тоталитарной секты «Аум Синрикё» Михаил Устьянцев. Его делом занималась ФСБ. 26 ноября 2020 года окружной военный суд в Ростове-на-Дону признал его виновным в совершении ряда преступлений и приговорил к лишению свободы на 15 лет с отбыванием срока в колонии строгого режима.

– Значит, ваш муж был членом организации «Аум Синрикё», она же «Алеф»? – напрямую спросил старший следователь.

Матушка Серафима вздрогнула, глаза ее наполнились страхом. Нет-нет, он не был... Точнее, он попал туда совсем еще юным. Знаете, все эти духовные искания, разная там йога и прочее в том же духе. Он ничего не понимал, он думал, что перед ним действительно учение истины. Но в 2016 году российский суд запретил «Аум Синрикё» как тоталитарную и террористическую секту. На Георгия это большое впечатление произвело. Он отошел от прежних друзей, стал читать Евангелие, покрестился. Батюшка ему попался очень хороший. Глядя на него, Георгий и сам проникся идеей служения Богу, окончил семинарию, был рукоположен... Так что и «Аум Синрикё», и основатель его, богопротивный Сёко Асахара, и друзья бывшие – все это осталось в прошлом, об этом обо всем он забыл совершенно.

– Он-то, может, о прошлом забыл, – проговорил Волин, – а вот забыло ли о нем прошлое? Скажите, не звонил ли ему в последнее время кто-то из старых друзей, или, может быть, он даже встречался с кем-то из них?

Серафима покачала головой: муж ничего ей об этом не говорил. Однако, насколько ей известно, никто ему не звонил и ни с кем из старых друзей он встречаться не собирался.

– Ну, это легко проверить, – сказал старший следователь, – у вас ведь остался его телефон?

Серафима Владимировна кивнула, вышла из комнаты и через минуту принесла ветхозаветный кнопочный телефон, в потертом уже и поцарапанном черном корпусе.

– Спасибо, – Волин внимательно рассматривал телефон. – Если не возражаете, я заберу его на время. Нужно будет уточнить, кто и зачем звонил отцу Георгию в последние дни.

Она не возражала. Старший следователь поднялся со стула.

– Благодарю за помощь, – сказал он, – а теперь позвольте откланяться.

Серафима поглядела на него растерянно: а как же чай?

– Чай мы давайте отложим до другого раза, – улыбнулся он и, поблагодарив еще раз, вышел из дома.

Идя в темноте до электрички, Волин думал о том, как странно устроена судьба. Молодой парень по глупости и неопытности попал в зубы тоталитарной секте, притом уже тогда, когда ее настоящий характер стал известен всему миру. По счастью, нашелся добрый человек, который его оттуда вытащил. Идя путем, указанным этим добрым человеком, Георгий сам стал священником и наставником для других людей. И вот, очевидно, недоброе прошлое все-таки настигло его.

Дома старший следователь быстро просмотрел список контактов и вызовов. В записной книжке отца Георгия пользователя с именем Валерий не оказалось, а вот среди входящих вызовов было несколько неопознанных номеров. Один из этих номеров повторялся три раза с интервалом в несколько дней.

Наутро он отдал телефон ребятам-айтишникам, те пробили подозрительный номер по базе и установили его местонахождение. Номер принадлежал некоему Валерию Дюшину, телефон, судя по всему, находился сейчас в квартире, где тот был прописан. Скорее всего, там же был сейчас и сам Дюшин.

Поскольку господин Дюшин, судя по всему, был членом террористической тоталитарной секты, выезжая к нему домой, Волин взял с собой пару оперативников: насколько ему было известно, последователи Сёко Асахары все были немного на голову ушибленные и ждать от них можно было чего угодно.

Однако помощь оперативников не понадобилась. Не пришлось даже двери выламывать. Господин Дюшин сразу открыл им, словно только и ждал гостей из Следственного комитета. Был он человек еще молодой, но с поредевшими бесцветными волосами и лицом совершенно стершимся, словно старый пятак.

– А, – сказал он без всякого выражения, глянув на удостоверение Волина, – пришли...

И, повернувшись, пошел вглубь квартиры, шаркая ногами, словно древний старик. Опера сразу прилипла к его спине – мало ли что, вдруг выдернет откуда-нибудь пистолет и начнет палить со всей дури. Но пистолета, судя по всему, у Дюшина не было. Чтобы понять это, семи пядей во лбу не требовалось.

– Был бы у него пистолет, не стал бы он мочить отца Георгия кирпичом, – объяснил Волин операм. – Простой нынче пошел душегуб и серый, как штаны пожарника.

Отпустив парней и закрыв квартиру изнутри, старший следователь перешел к беседе с хозяином дома. У того во время разговора иногда дергалась щека, как от нервного тика, но вид в общем он имел спокойный и даже равнодушный. Запираться в преступлении тоже не стал. Убил, сказал, и не жалею. А почему он должен жалеть предателя истины Аум? Этому дураку учитель дал путь, дал способ достичь бессмертия и перерождения в тело Шивы, а он отказался от спасения и двинул прямо в попы?

– Он и меня призывал покаяться, обратиться в лоно его лживой фарисейской церкви, – сообщил Дюшин, дергая щекой все сильнее. – Сами понимаете, не было у меня после этого другого выхода, кроме как убить дурака...

– Нет, не понимаю, – Волин смотрел на него хмуро. – Предположим, разошлись вы во взглядах, но зачем обязательно убивать? Живите отдельно друг от друга, живите, как каждому охота.

– Истина не терпит расхождения во взглядах, – мрачно отвечал Дюшин. – Она одна, и, если ты ей изменил, кара тебя настигнет неминуемо.

Волин только головой покачал. Ну, хорошо, а почему же он столько лет ждал? Почему не покарал отступника сразу, как тот покинул организацию?

– Не до того было, – отвечал Дюшин. – Я духовную брань вел. И физическую тоже.

– То есть это как прикажете вас понимать? – опешил Волин. – Что еще за духовная и физическая брань в одном флаконе?

– Сражался, если по-простому. Воевал, – объяснил хозяин дома.

Старший следователь кивнул: это он понимает, что воевал. А где именно?

– В горячих точках, – отвечал Дюшин. – Сирия там и тому подобное. Потом ранили меня, пришлось вернуться к штатской жизни. И тут, значит, настало время платить по счетам. Вот и вся история, если говорить по-простому. Но за ней стоит великая метафизика...

– Ну, о метафизике мы с вами отдельно поговорим, – заметил Волин, надевая на него наручники. – У нас в Следственном комитете много есть любителей разной метафизики. В местах заключения их, кстати сказать, тоже хватает. Так что метафизика от вас никуда не уйдет, вы еще увидите Шиву в алмазах.

\* \* \*

– Ну да, это у нас любят: нагадить, а потом метафизикой прикрываться. Дело известное.

Генерал Воронцов глядел на старшего следователя, прищурясь. Они сидели в квартире генерала, на столе лежала новая порция расшифрованных дневников детектива Загорского.

– Но между прочим, есть в твоей истории еще одна, как сейчас говорят, тема, – заметил Воронцов, подпихивая в сторону Волина довольно пухлую папку. – Помнишь, при Сталине было такое обвинение – «низкопоклонство перед Западом»?

Волин, разумеется, помнил. То есть, конечно, он этого времени уже не застал, в отличие от генерала Воронцова, но по книгам помнил прекрасно.

– Ну, так вот, – продолжал генерал, – а спустя некоторое время открылась еще одна проблема – низкопоклонство перед Востоком. И уж это низкопоклонство было такое, которое никакому Западу и не снилось. Все эти, понимаешь ты, дзен-буддисты, нэцке, бонсаи,

оригами разные, не при дамах будь сказано, икебана и прочая японская дребедень, по которой люди с ума сходили. Притом что свое родное и в грош не ставили. Неудивительно, что в конце концов поразила нас и разная ядовитая гадость – все эти аумы и прочие недоумы, с которых мы нынче вот такой вот урожай и собираем.

– Ну, Сергей Сергеевич, я не думаю, что источник тоталитарных сект – это японская культура и религия... – начал было Волин, но генерал его перебил.

– Ты не думаешь, а я думаю. И больше того – знаю, – сказал он сердито. – Мы до сих пор не понимаем, что такое Япония. Думаем, что это так, маленькие желтые человечки. Но если бы в конце Второй мировой не разгромили бы мы их Квантунскую армию, а американцы не шарахнули бы по ним ядерной бомбой, то мы бы с тобой сейчас ходили в кимоно, ели бы палочками и говорили на чистом японском языке. Ты помнишь, что такое была Российская империя в начале прошлого века? Монстр, бронтозавр, жандарм Европы! И этого монстра в 1905 году победила маленькая, с ноготь, островная Япония. А все потому, что Японию эту мы недооценивали и всегда будем недооценивать, помяни мое слово! Не веришь мне – почитай Загорского!

Он открыл папку и хлопнул перед старшим следователем стопкой свежераспечатанных листов. Волин вздохнул, взял в руки первый лист и погрузился в чтение.



## Глава первая. Перед венчанием

Давно и хорошо известно, что работа служащего пароходной компании – дело нелегкое и даже весьма обременительное. Особенно это заметно в России, где нет порядка, представления о долге, обязательствах и ритуале-рэй, а все эти вещи заменяет сокрушительное пьянство и воровство такой силы, что у непривычного человека закладывает в ушах.

Благородный муж в подобных условиях не продержался бы и трех дней, когда бы не надежда на многообещающие прибыли и особый интерес. Сколько-нибудь существенных прибылей служба в пароходстве господину Кэндзó Камáкуре не приносила, а вот интерес у него тут, безусловно, имелся.

Если бы спросить Кэндзо-сенсея, что это за интерес такой, он бы с приличествующей японцу искренностью отвечал, что таких интересов у него не один даже, а целых два. Первый – это великая русская культура, возглавляемая православным богом Иёсу Кири́сито, в которого Камакура-сан в последнее время уверовал с такой страстью, на какую способен только прямой потомок богини Солнца А́матэрасу. Второй интерес оказался не таким величественным, но не менее важным – барышня с трудным русским именем Настя и с почти произносимой для японца фамилией Ала́бышева.

Впрочем, в ближайшее время надобность произносить эту сложную фамилию, безусловно, отпадет. Сегодня барышня Алабышева наконец перестанет быть барышней, а станет женой Кэндзо Камакуры, или, как зовут его русские друзья, Константина Петровича Камаку́рова. Варварское это прозвище, как легко догадаться, Камакура-сан взял себе не от хорошей жизни. Иностранцы – то ли по дикости своей, то ли по высокомерию – совершенно неспособны запомнить даже простейшее японское имя и всякий раз коверкают его самым невероятным образом. Кем

только не называли Камакуру в России – и Какакúрой, и Камакúрвой, и просто Курицыным... А были даже и такие прозвища, которые при русских дамах употреблять вовсе немыслимо.

Правда, имя и фамилия коверкались не по злобе, как можно бы подумать, а исключительно по доброте душевной. Стоило японцу взять настоящее русское имя, как все моментально его запомнили и стали величать, как и положено, господином Камакúровым.

– Приветствую, Константин Петрович, – приподнимали шляпу те, кто, как ни старался, до того не мог выговорить его имя даже до половины. – Как поживаете, господин Камакуров?

– Вашими моритвами, – отвечал Камакура, что очень нравилось окружающим, хотя, разумеется, никаких молитв за диковинного желтолицего человечка никто из них не возносил: мало им, что ли, своих забот?

Сам же господин Камакура, во время проживания в России успевший не только уверовать во Христа, но и принять православие, молился очень часто и усердно. Что это были за молитвы, мы тут говорить не станем, потому что молитва – дело сугубо интимное, тайна между верующим и Богом, в которой по мере необходимости могут поучаствовать лишь некоторые уполномоченные ангелы и святые, да и то при условии, что их к этому участию призвал сам молящийся.

Впрочем, кое о чем пытливые умы могут догадаться и сами, применив дедукцию, столь популярную среди читающей публики с тех пор, как о ней рассказал сэръ Конан Дойл. Как справедливо сказано в Писании, просите – и дано будет вам. Судя по тому, что Камакуре в жены дана была Анастасия Алабышева, именно об этом он и просил если уж не самого Создателя, то, по крайней мере, некие высшие силы. И высшие силы призрели на него, и по некотором размышлении просьбу эту исполнили.

Однако нельзя исключать, что мы самым печальным образом заблуждаемся, и ни о чем таком Камакура-сан вовсе и не просил, а завоевал Настю исключительно подручными средствами, то есть

красотой, чувствительностью и сугубой мужественностью, которая, как известно, выгодно отличает японцев от других азиатских народов. Многие из сынов Ямато до сих пор не забыли, что они потомки отважных самураев, пусть даже и усеченных в правах славным императором Муцүхито<sup>[1]</sup>.

Так или иначе, сегодня должно было состояться венчание Насти Алабышевой и православного – против чего совершенно не возражали японские духи-ками – японца Константина Камакурова. Известно, что далеко не все новобрачные испытывают друг к другу нежные чувства. Многие сочетаются браком по необходимости – какие уж тут могут быть чувства, кроме досады и разочарования?

Но случай Камакуры и Насти, кажется, был совсем не тот: брак их заключался по взаимному тяготению. Это можно было заключить хотя бы из того, что невеста ласково звала будущего мужа цыпленочком.

– Почему цыпленочек? – осторожно интересовался японец, который вообще-то говорил по-русски очень недурно, но по вечной японской привычке заменял слабое иностранное «л» на куда более мужественное японское «р». – Почему цыпленочек, Наситя-кун?

Потому что маленький и желтый, отвечала Алабышева, что же тут непонятного?

Такие ответы ставили в тупик счастливого жениха: он не считал себя, во-первых, маленьким и, во-вторых, каким-то особенно желтым. Желтизна его, как у большинства японцев, была ближе к оливковому цвету. На его взгляд, китайцы и корейцы были куда желтее японцев, но их цыплятами Настя почему-то не звала. Однако в период ухаживания было бы неразумно ссориться с будущей женой из-за взглядов на цвет кожи, так что он терпел и списывал все эскапады невесты на ее сугубую чувствительность.

Сам же Камакура-сенсей был своей внешностью вполне доволен. Благородное лицо с крепким, почти квадратным подбородком, глаза широко расставленные – когда Камакура доволен, как бы ласкают весь мир вокруг, когда в ярости, обжигают; брови прямые,

поднимаются к вискам, нос чуть более широкий, чем хотелось бы, зато рот безупречный: таким ртом можно есть самые изысканные блюда, а можно поносить врага последними словами. И все это великолепиие озаряется глянцевой золотистой кожей, сквозь которую как будто просвечивает лик самой богини Солнца.

Наружность Насти, к слову сказать, тоже была выше всяких похвал. Высокая, ростом с жениха, но изящная почти на японский манер, то есть без русской избыточности в теле, которая так не нравилась Камакуре. Чистая белая кожа – гладкая, плотная и в то же время почти прозрачная, до такой степени притом, что под ней видны голубые жилки; тонкая талия, маленькая грудь, прямые ноги – все очень пропорционально. Портрет его избранницы венчали черные – а не белесые, как у многих европейцев, – глаза и смоляные волосы. При некотором усилии, в особенности же глядя издали, вполне можно было счесть Анастасию японкой. Черные очи Насти были чуть раскосыми – ее род, кажется, вел свое происхождение от татарских князей. Правда, волосы цвета воронова крыла немного курчавились. Конечно, нынешние японки часто завивают кудри, стараясь походить на европейских красавиц, однако Камакура, как истый патриот, любил, чтобы волосы были прямыми.

Впрочем, невесте своей он легко прощал небольшие недостатки. В их отношениях не было ничего от разрушительной, иррациональной страсти, зато в них было взаимное уважение. Во всяком случае, так хотелось думать Кэндзо Камакуре. В какой степени разговоры о цыплятах входили в эти уважительные настроения, сказать он пока не мог.

Некоторые знакомые русские без всякого стеснения говорили, что японцу очень повезло, что на него обратила внимание такая барышня, как Настя. Впрочем, дело тут было не столько в везении, сколько в жизненных обстоятельствах.

Как уже говорилось, Настя принадлежала к старинной дворянской фамилии, так что при других обстоятельствах руки ее добивались бы

самые завидные женихи. Но, увы, семейство Алабышевых было не только старинным, но и обедневшим. Или, точнее сказать, разорившимся. Как оно так вышло, точно знал, наверное, один только Настин папенька, но тот, к несчастью, уже почил в бозе, да и при жизни на эту скользкую тему особенно не распространялся. Приданого за барышней не было никакого, так что на по-настоящему удачную партию рассчитывать не приходилось. В наше время, когда богатый купчик, только вчера сменивший армяк на смокинг, ценится больше, чем потомственный дворянин, не многие солидные люди готовы породниться с аристократической голытьбой.

Таким образом, господина Камакуру с некоторой натяжкой можно было считать удачной партией. Японский «цыпленок» тоже принадлежал к знатному роду, да к тому же, в отличие от Насти, род этот никак нельзя было считать обедневшим. Встает естественный вопрос: что же в таком случае делал Константин Петрович в Санкт-Петербурге на небольшой должности служащего пароходного агентства?

На этот вопрос можно было дать множество разных ответов – и ни один из них не был бы правдой. В России эту правду знал один только Константин Петрович и еще, пожалуй, японский консул. Сегодня, впрочем, неожиданно выяснилось, что в японский секрет посвящены и некоторые русские подданные.

Вообще-то Камакура-сенсей никогда не входил к себе в квартиру, не приняв предварительных мер предосторожности, но в этот раз вышло иначе. Его обуревало вполне понятное возбуждение и даже восторг: сегодня он должен был стать счастливым мужем.

Вероятно, именно поэтому он утратил привычную осмотрительность и, миновав входные двери, немедленно направился в кабинет, на ходу скинув ботинки. Кабинет этот, как и следовало ожидать, был обставлен не в европейском, а в японском духе. Тут даже не было книжного шкафа – все необходимые книги умещались на одной небольшой полке, повешенной на стену. При этом, однако, имелся большой письменный стол, где располагались

четыре драгоценности ученого кабинета: бумага, тушечница, тушь и кисти. В дальнем углу лежали свернутые свитки с каллиграфией – Камакура считал себя недурным художником. Не Хóкусай, разумеется, и не Хирóсигэ, но учитель говорил ему, что если бы он занялся каллиграфией по-настоящему, то вполне мог бы приблизиться, ну, скажем, к Тóмиоке Тэссаю. В глубине души Камакура-сенсей надеялся когда-нибудь, ближе к старости, оставить дела и вернуться к своим штудиям; пока же бумага, кисть, тушечница и тушь простаивали без дела.

Впрочем, один иероглифический свиток все-таки висел у него в специально обустроенной нише-токономá. Здесь же, как напоминание о далекой родине, стояла вместо букета цветов маленькая сосна – из тех, что в Японии зовут бонсаем. Это была одна из немногих слабостей обрусевшего японца, значительную часть жизни которого составляет чувство прекрасного, в данном случае – любованье природой и картинами. Главным же украшением кабинета было превеликое множество развешенных по стенам икон, так что непосвященный человек, заглянув сюда, мог подумать, что попал в какую-то часовню или домовый храм.

Соотечественник Камакуры-сенсея, войдя в его кабинет, несомненно, удивился бы отсутствию здесь татами или хотя бы циновок. Однако хозяин дома, живя в России, не сидел на циновках – и не только потому, что оказался на Западе, где все уважающие себя люди сидят на стульях, а циновки почитаются безусловной дикостью. Все дело в том, что на циновках не рекомендовали сидеть даже японские врачи: в последнее время считалось, что от сидения на них искривляется позвоночник, отчего человек становится меньше, чем предусмотрено природой. А японцы, как известно, и без того не отличаются великанским ростом, за что и получили от русских соседей обидное прозвище макак.

Впрочем, на этот счет разные существуют мнения. Иные сказали бы, что японцев зовут макаками вовсе даже не за малые размеры и присущее им характерное выражение лица, а за то, что цивилизация

их не пошла так далеко, как на Западе, и они вынуждены все возможные изобретения заимствовать у европейцев, или попросту обезьянничать. Так или иначе, обидное мнение о японцах как о макаках в России устоялось весьма прочно, и на него не повлияли даже последние военные успехи Страны восходящего солнца.

Итак, войдя в кабинет чуть более поспешно, чем обычно, Константин Петрович был неприятно удивлен. Здесь на диване привольно расположилась парочка весьма подозрительных субъектов, неизвестно как сюда попавших в отсутствие хозяина.

Первым непрошеным гостем оказался некий худощавый сидящий субъект в удобном сером сюртуке, вторым – азиат, в котором Камакура с неприятным чувством опознал уроженца Срединной империи. Азиат этот, или проще говоря китаец, облачен был в слишком для него респектабельный костюм-тройку темно-оливкового тона. Но главным, разумеется, был вовсе не костюм, а возмутительное чувство превосходства, с которым он глядел на Камакуру. И если от европейца еще можно было стерпеть подобное выражение лица, то ходить с такой физиономией представителю нации низшей, второстепенной, было совершенно непозволительно.

Впрочем, даже не это сейчас беспокоило Камакуру. Важнее было понять, с кем именно имеет он дело. Больше всего приход незнакомцев походил на ограбление. Однако, если незваные гости – грабители и воры, почему, скажите на милость, они чувствуют себя в чужой квартире столь вольготно? Этот вопрос следовало выяснить, причем выяснить немедленно.

– С кем имею удовольствие, господа? – поинтересовался Камакура-сенсей. Сказал он это весьма церемонно, потому что вежливость и гостеприимство для японца превыше всего. Произнося обязательные для воспитанного человека фразы, он одновременно прикидывал, как бы ему получше подобраться к столу, где он прятал свой верный револьвер, из которого так удобно было бы перебить незваных гостей. – Заодно позвольте узнать, как вы оказарись в моем доме?



– Ничего нет проще, – любезно отвечал господин в сюртуке. – Разрешите вам заметить, что серьезные люди уже давным-давно не запираются на английские замки. Их можно вскрыть даже английскою же булавкой, не говоря уже о более существенном инструменте, таком как наша родная русская отмычка.

Пока он говорил, Камакура-сенсей сделал несколько незаметных шагов в сторону заветного стола. Простодушный этот маневр, однако, заметил возмутительный китаец.

– Куда крадешься? – вдруг заговорил он в неожиданно простонародной манере и на чистом русском языке притом. – Я тебя спрашиваю: куда крадешься, японская морда?

Учитывая, что Япония и Россия уже больше полугода находились в состоянии войны, японцы от русских нынче могли услышать в свой адрес самые неожиданные выражения. Однако, чтобы так, впрямую, в собственном доме, да еще и китаец звал вас японской мордой? Положительно на дипломатический разговор рассчитывать не приходилось. Следовательно, ждать было больше нечего, и действовать надо было незамедлительно.

В два огромных прыжка Константин Петрович преодолел расстояние, отделявшее его от стола, выдернул верхний ящик, запустил туда руку – и ощутил щемящее чувство утраты. Он еще немного пошарил в ящике и, окончательно убедившись, что там пусто, в ярости повернулся к незванным гостям. Лицо его, впрочем, было по-прежнему бесстрастно, только глаза метали молнии...

Нет, европейцы совершенно напрасно недооценивают азиатов вообще и японцев в частности. Японцы не только хитры и изворотливы, им также нет равных в рукопашном бою. Конечно, на Западе существуют свои боевые искусства, обычно примитивные и основанные на грубой силе, но сердце боевых искусств, как известно, не в силе, а в мягкости, в правильном использовании пустого и полного. И это как нельзя лучше доказывает японское боевое искусство дзю-дзюцу. Один легкий, почти незаметный тычок в нужную точку – и самый огромный европеец безропотно валится

на пол, как шкаф с подпиленной ножкой. Надо только дотянуться до нужного места на этом шкафе...

Однако дотянуться Камакуре-сенсею как раз и не дали. Высокий господин в сюртуке не стал даже подниматься, когда японец бросился на него, словно сокол на лисицу, а просто слегка лягнул супостата. В следующий миг Камакура обнаружил, что он никуда не летит, а, напротив, очень удобно сидит на одном из своих стульев. При этом вставать ему совершенно не хотелось – во всем теле его обнаружилась необыкновенная истома.

– Вы, конечно, уже поняли, что мы перед вашим приходом произвели тут небольшой осмотр и изъяли некоторые огнестрельные предметы, – извиняющимся тоном заметил седоволосый. – Это было сделано исключительно для нашей с вами общей безопасности и для вящей содержательности разговора.

– Кто вы и что вам надо? – простонал несчастный Камакура.

– Позвольте представиться. – Гость в сюртуке церемонно привстал с дивана. Нет сомнений, что это был бы хорошо воспитанный и даже, может быть, приятный в общении господин, если бы только он не пинался так больно. – Я – статский советник Нестор Загорский. А это – мой верный помощник и друг Ганцзалин.

Лицо Камакуры покривилось: ну, конечно, китаец, он так и знал... Подумать только, его подвергли такому унижению в присутствии представителя второсортной нации! Однако он тут же овладел собой и осведомился, чем он обязан столь внезапному визиту господина Загорского и того... второго?

Статский советник отвечал, что у них к Константину Петровичу чисто практический интерес. Если говорить без обиняков, им стало известно, что господин Камакуров занят в России неким сомнительным и даже неподобающим делом. Дело это способно нанести вред их горячо любимой отчизне...

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – высокомерно начал японец, но тут неожиданно и весьма неделикатно встрял помощник Загорского.

– Мы говорим о твоём шпионском задании, – проговорил он, буравя Камакуру недобрым взглядом.

– Что-о? – глаза японца полезли на лоб. Камакура-сенсей – и вдруг какое-то шпионское задание? Да как это может быть, ведь он настоящий правосравный черовек...

– Православный, – неожиданно поправил его Ганцалин.

Японец бросил на него яростный взгляд, но вынужден был согласиться. Да, конечно, он правос... в общем, именно это он и имел в виду. Он верует в Иесу Кирисито, сегодня он женится на своей невесте в Сампсониевском соборе, он честно работает в пароходстве, так как же, скажите, может он быть шпионом?

Говоря это все, Камакура-сан был так убедителен, что, кажется, даже статский советник на минуту засомневался. Впрочем, помощник его оказался крепким орешком и не поверил ни единому слову японца.

– За дураков нас держит, – заметил китаец, не спуская глаз с Константина Петровича.

– Пожалуй, – после некоторого размышления согласился Загорский.

– А мы этого не любим, – заявил помощник.

– Пожалуй, – снова согласился Нестор Васильевич.

Российская империя, продолжил Ганцалин, воодушевленный поддержкой хозяина, будет нещадно карать всяких там япошек... (шпиошек, поправился он, перехватив осуждающий взгляд Загорского), так вот, она будет карать шпиошек, которые думают, что им тут медом намазано и собираются ни за грош вызнать наши строго охраняемые государственные тайны.

Нестор Васильевич при этих словах деликатно кашлянул. На его взгляд, государственные тайны в России охранялись недостаточно строго, а в таких условиях, конечно, грех не взять и не положить в карман то, что плохо лежит.

– Вы не подумайте, что я вас осуждаю, – снова заговорил статский советник. – На мой взгляд, в профессии шпиона ничего зазорного

нет. Если, конечно, он работает честно и в интересах государства, а не превращает разведку в синекуру. Мы с Ганцзалином и сами, между нами говоря, не раз и не два оказывались в положении шпионов...

– Разведчиков, – уточнил китаец.

Разведчиков, согласился Нестор Васильевич. Именно поэтому они бы очень хотели, чтобы господин Камакура был с ними откровенен. Потому что в противном случае им придется отдать его в руки жандармского управления. А там сидят грубые, безжалостные люди, которые ничего не слышали о чувствительности и тонкой духовной организации, не говоря уже о художественном строе души.

– Я взял на себя смелость посмотреть некоторые ваши свитки, – внезапно перебил сам себя Нестор Васильевич. – Поверьте, я кое-что понимаю в каллиграфии.

Помощник его горделиво кивнул: да уж, в чем в чем, а в каллиграфии они кое-что понимают. Да и не кое-что, а очень много. Если бы он, Ганцзалин, в свое время занимался бы каллиграфией, сегодня он уже затмил бы славу Цай Юна, и Чжун Ю, и всех их учеников, вместе взятых...

– Да, так я могу сказать совершенно чистосердечно, что вы мастер этого тонкого и рафинированного искусства, – не дослушав хвастливые речи Ганцзалина, продолжал статский советник. – Будет крайне неприятно, если грубые жандармские вахмистры начнут выкручивать вам руки и ломать пальцы. После этого, разумеется, о любой и всякой каллиграфии придется забыть навсегда.

– Ромать парьцы? – с некоторой дрожью в голосе переспросил Константин Петрович. – Что это за методы такие? Мы ведь, кажется, находимся в цивилизованной стране.

Нестор Васильевич отвечал, что на этот счет, увы, существуют разные мнения. Но даже если считать, что они находятся в цивилизованной стране, а не в средневековом Китае, все равно надо понимать, что сейчас идет война между Россией и Японией, а

во время войны люди несколько ожесточаются, особенно по отношению к врагу...

– Башку отрывают напрочь, – с невыносимой простотой растолковал Ганцалин витиеватые речи хозяина.

– Вы, может быть, слышали русскую поговорку «Война все спишет»? – поинтересовался статский советник.

Японец подавленно кивнул: да, он слышал. Загорский развел руками – в таком случае нет никакой необходимости объяснять дальнейший ход мысли жандармов. А вот если Камакура-сенсей согласится рассказать ему, Загорскому, все, что знает, он обещает, что никто его даже пальцем не тронет. Более того, очень скоро его обменяют на какого-нибудь русского разведчика, и полетит он сизым голубем обратно в свою Японию.

Тут Камакура-сенсей повесил голову, на лице его отобразилось мучительное раздумье. Во всей истории ему оставалось неясно одно: как этот господин статский советник понял, что имеет дело со шпионом?

\* \* \*

Как ни удивительно, этот же вопрос интересовал и патрона Загорского, тайного советника С.

– Очень хотелось бы знать, как вы его вычислили? – его превосходительство внимательно глядел на Нестора Васильевича, который, в свою очередь, не менее внимательно глядел на него.

Патрону уже исполнилось... грустно даже сказать, сколько ему исполнилось, но выглядел он неважно – седой как лунь, грузный, малоподвижный, большую часть времени проводил тайный советник в глубоком кожаном кресле, и не потому, что так уж любил это кресло, а потому, что вставать с него с каждым днем становилось все труднее.

Впрочем, как говорят китайцы, человек стар – сердце молодо. Это в полной мере относилось и к его превосходительству. Какие бы немощи ни терзали тело, дух его был по-прежнему бодрым, а мысль – ясной.

Они с Загорским были знакомы столько лет, что вполне могли бы не соблюдать предписанных правил хорошего тона. Однако, в каком бы состоянии ни находился его превосходительство, он ни разу не показался перед своим протеже в домашней одежде – халате и шлепанцах. На нем всегда был сюртук или выходной костюм и неизменный галстук. Старый царедворец в любых обстоятельствах умел, что называется, держать спину.

Вероятно, и сама смерть окажется против него бессильна, думал Нестор Васильевич, с симпатией взирая на патрона. Даже и прекратив свой земной путь, в памяти людей, его знавших, наверняка останется он столь же несгибаемым и благородным, как при жизни... Впрочем, гадать, кто как будет выглядеть в гробу, – дело неблагодарное, лучше обратить свои мысли к текущим вопросам. Тем более что на один из таких вопросов уже ожидал ответа тайный советник С.

По словам Нестора Васильевича, вычислить шпиона оказалось делом не таким уж трудным. С началом войны особенный интерес японская разведка проявляла к русским казенным заводам, на которых делались корабли, выплавлялась сталь и производилось оружие, в том числе и взрывчатые вещества. Все это очень интересовало японцев, и не было никаких сомнений, что рано или поздно они доберутся до всех нужных им секретов, если уже не добрались.

– По вашей просьбе, Николай Гаврилович, я отправился с инспекцией по петербургским заводам, раздал кое-какие задания тамошним агентам, – Загорский говорил не торопясь, как будто вспоминал детали всего предприятия. – В нашем деле, как вы, конечно, помните, в первую очередь следует обращать внимание на изменение привычного порядка вещей. Таковое изменение

обнаружилось на Путиловском заводе. Один из рабочих, некий Носов, подвернул ногу, однако, вместо того чтобы лечиться дома, продолжал ходить на работу, опираясь при этом на тросточку.

– На тросточку? – удивился тайный советник. – От рабочего я бы скорее ждал костыля. А впрочем, нынешние пролетарии – такие модники, от них всего можно ждать.

Нестор Васильевич кивнул: он тоже так подумал, но на всякий случай просил одного из тайных осведомителей приглядеть за модником. Выяснилось, что интересующий их рабочий, несмотря на травму, весьма активен. Кроме своего цеха, где отливают сталь, он регулярно посещает также и другие, в частности тот, где производят взрывчатые вещества.

– Вы, конечно, знаете, что в девяностые Дмитрий Иванович Менделеев изобрел пироколлодий – бездымный пироксилиновый порох, – продолжал статский советник. – Увы, иностранная разведка уже тогда работала отлично, а контрразведки у нас практически не было. В результате менделеевская рецептура была украдена, и патент на пироколлодий получил некий Бернаду – сотрудник американской военно-морской разведки. Благодаря этому открытый Менделеевым пироколлодий мы теперь вынуждены покупать у американцев. Несмотря на это прискорбное обстоятельство, русские Кулибины не спят и продолжают работать. Нам ведь нужно что-то противопоставить японской шимозе.

– Да, шимоза – страшная вещь, – задумчиво проговорил патрон. – По своей взрывчатой силе она намного превосходит наш пироксилин.

– При всем при этом шимоза вовсе не японское изобретение, – заметил Загорский. – Это вариант хорошо известного на Западе мелинита. Им у нас занимался химик-артиллерист Панпушко. Увы, он погиб во время испытаний. После этого на самом верху решили, что мелинит слишком опасен, и велели закончить всякие с ним опыты. А вот японцы держались другого мнения, продолжили исследования и, как видим, добились недурных результатов. Хотя, скажу откровенно,



шимоза тоже небезопасна и довольно часто вдребезги разносит их собственные японские орудия...

– Одним словом? – перебил его тайный советник.

Одним словом, рабочий Носов продолжал как ни в чем не бывало курсировать между цехами. При помощи несложной интриги один из осведомителей ненадолго получил в свои руки загадочную носовскую тросточку. Оказалось, что набалдашник у нее откручивающийся и к тому же пустотелый. Более того, в набалдашнике этом обнаружилась металлическая стружка.

Тут уж за дело взялся лично Загорский. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что именно благодаря пустотелому набалдашнику Носов выносил с завода интересующие его образцы военной продукции. Форму они имели разную: от заклепок и застывших оплавок до мелкой отбракованной штамповки.

– Японцы охотятся за нашей броней, – задумчиво проговорил тайный советник. – Но зачем она им? Хотят взять на вооружение?

– Не исключаю, – отвечал Загорский. – Однако для них еще важнее понимать, на что эта броня способна. Например, инженерные сооружения Порт-Артура, который сейчас героически выдерживает обстрелы японских военных кораблей, рассчитывались на отражение двухсотсорокамиллиметровых снарядов. Артиллерия же императора Муцухито уже обладает двухсотвосьмидесятимиллиметровыми мортирами. Легко догадаться, что это может значить для нас...

Его превосходительство сердито забарабанил пальцами по столу, но ничего не сказал.

– Кроме того, – безжалостно продолжал Загорский, – внутрь своих набалдашников Носов засыпал и образцы новейших русских взрывчатых веществ, которые, разумеется, потом тоже попадали в руки японских шпионов.

– Хотел бы я знать, чем только занимается наша доблестная жандармерия?! – патрон, кажется, пришел в необыкновенное

раздражение. – Почему она не ищет шпионов и почему обязанности жандармов должны выполнять дипломаты?

Отвечать на этот вопрос Загорский не стал, справедливо сочтя его риторическим, а вернулся к рассказу о Носове. Взяв хитрого пролетария с поличным, Нестор Васильевич довольно легко вытряс из него имя нанимателя. Им оказался скромный сотрудник паровой компании Константин Петрович Камакуров, он же Кэндзо Камакура. Вот так они с Ганцзалином оказались в гостях у Камакуры-сенсея. Причем подгадали, чтобы его самого в квартире в этот момент не было...

\* \* \*

Все это Нестор Васильевич рассказал патрону, но, разумеется, не стал пересказывать японцу. И не потому даже, что не собирался посвящать шпиона в детали русского сыска, а потому, что их с Камакурой разговор был неожиданно прерван.

В прихожей раздался стук тувфелек, и в кабинет Камакуры-сенсея вбежала барышня в белом подвенечном платье. Через фату поблескивали черные как смоль глаза.

– Цыпленочек, – закричала она, – ты, надеюсь, не забыл, что у нас сегодня венчание?

Но, увидев Загорского и Ганцзалина, осеклась и захлопала ресницами.

– Костя, – проговорила она с легким сомнением, – кто эти господа?

Однако Костя, он же Камакура-сенсей, вместо ответа вскочил со стула и совершил гигантский прыжок в сторону барышни. Спустя мгновение он уже стоял у нее за спиной, крепко обхватив за талию и приставив к горлу короткий узкий нож. Сорванная и скомканная фата белела у ног девушки. Глаза ее заволокло страхом, маленький красный рот был беспомощно приоткрыт.

– Не подходить! – рявкнул Камакура. – Сидеть на месте – ири убую!

Статский советник переглянулся с помощником.

– Я не шучу, – в голосе японца послышалось что-то змеиное. Барышня вскрикнула, и по шее ее медленно потекла тонкая алая струйка.

– Я так понимаю, господин Камакура, это и есть ваша невеста, Анастасия Алабышева? – не теряя самообладания, осведомился статский советник.

– Что здесь происходит? – онемевшие губы барышни еле двигались, голос звучал совсем слабо, казалось, она вот-вот лишится чувств.

– Морчать! – рявкнул японец, и та испуганно умолкла.

Загорский кивнул: да, теперь он видит со всей определенностью, что это его невеста. Правда, в этот раз она зашла в гости к жениху в крайне неподходящий момент. Наверняка мадемуазель Алабышева знает, что видеть жениха перед свадьбой – дурная примета. Лично он, Загорский, считает приметы грубым суеверием. Однако, к сожалению, некоторые из них все-таки иногда сбываются...

Пока он говорил, Ганцалин медленно опустил правую руку, так что в ладонь ему из рукава скользнул метательный нож. Каким бы незаметным ни было это движение, японец уловил его.

– Ты, китаец! Сидеть, не двигаться, – заревел он в неистовстве. – Я убую ее, убую!

Помощник бросил на хозяина быстрый взгляд, тот отрицательно покачал головой. Ганцалин, секунду помедлив, сложил руки на груди.

– Вот так, – кивнул головой Камакура-сан. – Теперь давайте сюда мой пистолет! Быстро!

По губам Загорского скользнула удивленная улыбка. Они с Ганцалином, конечно, гуманисты, но не самоубийцы же. Как только он получит пистолет, их жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

Нет уж, единственное, что они могут ему пообещать, так это не нападать первыми...

– Я убью ее! – зарычал японец, не дослушав.

Нестор Васильевич отвечал, что это уже целиком и полностью будет на его совести. Мадемуазель Алабышева – невеста господина Камакуры, так что он волен делать с ней все, что захочет. Правда, пока он всего-навсего вражеский шпион, и в худшем случае ему грозит тюремный срок. Если же он убьет русскую подданную, вина его будет отягощена многократно. Так что он, Загорский, настоятельно не советует Камакуре-сенсею обагрять руки кровью барышни. Тем более что необходимости в этом никакой нет. Ведь прямо сейчас его никто не держит, и он может совершенно спокойно покинуть дом.

– Как – покинуть? – разъяренный Ганцалин повернулся к Загорскому. – Мы его что, отпустим?!

Нестор Васильевич вздохнул и смиренно развел руками: ничего другого им не остается. Камакура оказался ловчее их, надо уметь проигрывать с достоинством.

Пока они переговаривались, японец с величайшим подозрением переводил взгляд с Загорского на Ганцалина и обратно, не зная, как поступить. Наконец он все-таки решился: не отпуская барышню и по-прежнему держа у ее горла нож, он попятился к выходу из комнаты. Не прошло, однако, и пары секунд, как они оба с грохотом повалились на пол. Звякнул выпавший из руки Камакуры нож, в воздухе повисли яростные японские ругательства. Камакура барахтался на полу, запутавшись в белом платье невесты, та, придавив его сверху, кричала, панически размахивая руками.

– Вот это я и называю предвидением, – повернулся Загорский к Ганцалину. – Слишком длинный шлейф у платья – это раз. Слишком высокий порог в кабинете – это два. Они просто не могли не упасть...

## Глава вторая. Товарищ поляк

Легкая пролетка стремительно подкатила к дому, в котором располагалась московская квартира Нестора Васильевича, и встала как вкопанная. Тротуар тут был усыпан сухой золотой листвой от начавших желтеть деревьев, налетавший от Москвы-реки ветер поднимал ее и закручивал в маленькие огненные вихри.

Из подъезда появилась внушительная фигура Артура Ивановича Киршнера. Дворецкий легко нес два увесистых саквояжа – серый и коричневый. За ним налегке следовали Загорский и Ганцзалин.

Уложив багаж в пролетку, Киршнер подождал, пока туда же усядутся хозяин с помощником, и вернулся на тротуар. Кучер дернул вожжи, и пролетка, ускоряясь, покатила прочь. Киршнер проводил ее печальным взором и не двинулся с места, пока экипаж не растаял вдали.

– Каждый раз одно и то же, – сказал Ганцзалин, морщась. – Прощается с нами так, как будто видит в последний раз...

Загорский, сидевший на сиденье рядом с помощником, только плечами пожал. Как знать, может быть, Артур Иванович и прав. Все-таки они едут не куда-нибудь, а напрямик на театр военных действий. Оттуда вполне можно и не вернуться.

– Ну, сейчас ладно, – нехотя согласился китаец, – сейчас война. А до этого что? Или мы каждый раз на войну едем?

Загорский посмотрел на Ганцзалина с интересом. Пожалуй, он прав. Говоря высоким штилем, они ведь все время на войне. Независимо от того, чем именно они заняты – раскрытием заговоров, борьбой с уголовным миром, поиском шпионов, – все это, выражаясь высоким слогом, война. Война порядка и гармонии с хаосом и уничтожением.

– И Киршнер это понимает? – ухмыльнулся помощник.

Может быть, и не понимает, но наверняка чувствует. Он по меньшей мере чувствует возможные последствия такой войны. Если

старый хозяин сгинет, искать нового сейчас будет довольно затруднительно.

– В конце концов, Киршнер просто мог по-человечески к нам привязаться, – заключил Загорский.

– К вам привязаться, – уточнил Ганцзалин, – к вам. Меня он терпеть не может, только с виду приветливый. Как говорится, в морду кормит калачом, а в спину лупит кирпичом.

Нестор Васильевич укорил помощника, заметив, что тот слишком подозрительно относится к людям. Тот отвечал, что люди это вполне заслужили. Пусть-ка сначала добьются его доверия, а там уж видно будет.

Тут он прервался, почувствовав, что пролетка остановилась и как-то странно завибрировала.

– Н-но! Не балуй! – услышали они испуганный голос возницы.

Седоки ощутили, что пролетка явственно накренилась. Загорский глянул вперед и увидел, что впряженная в экипаж гнедая лошадь ведет себя очень странно. Сначала ее забила судорога, потом животное присело на задние ноги и стало заваливаться набок. Вместе с лошастью начала медленно валиться набок и пролетка.

– Н-но, холера! – в панике кричал кучер, но никакая брань на бедную кобылу, разумеется, подействовать не могла.

В одно мгновение статский советник и Ганцзалин выпрыгнули из экипажа. Китаец, едва коснувшись ногами твердой поверхности, железной рукой выдернул возницу из его сиденья и ссадил на землю. Это случилось очень вовремя, потому что в следующую секунду пролетка с грохотом завалилась набок.

– Да чтоб тебя! – кричал перепуганный кучер. – Что же это, люди добрые?!

– Похоже на эпилепсию, – заметил Нестор Васильевич. – Давай-ка, братец, распрягай лошадь, иначе она себя в судорогах покалечит.

Но гнедая тряслась и билась, и возница боялся даже близко к ней подступить. Пришлось за дело взяться Ганцзалину. Пока Загорский удерживал лошадь за голову, прикрывая ей глаза, помощник споро

освободил ее от упряжи и, натужась, рванул пролетку в сторону, чтобы животное не разбилось об оглобли.

Ноги у кобылы вытянулись, голова запрокинулась назад, зрачки расширились, а глаза почти что вывалились из орбит. Дышала она теперь шумно, прерывисто, челюсти непроизвольно двигались, на губах пузырилась пена.

Загорский, продолжая держать лошадь за голову, что-то тихонько ей приговаривал на ухо и с силой жал на какие-то точки на шее. Прошло несколько минут, и животное стало успокаиваться. Наконец по телу лошади прошла длинная судорога, и она замерла.

– Господи, – побелел извозчик, – никак, околела...

Загорский ласково похлопал гнедую, подул ей в морду.

– Ничего, – сказал, – сейчас поднимется.

Лошадь, словно услышав его, сделала слабую попытку встать на ноги и тут же повалилась наземь. В глазах ее отразился ужас, она жалобно заржала.

– Ну-ну, ничего, милая, не бойся, – успокаивающе заговорил Нестор Васильевич. – Это всего-навсего приступ, сейчас будет легче. Ты просто потеряла много сил, испугалась. Отдохни минутку, и попробуем встать снова.

Он уговаривал животное так, как будто перед ним была не лошадь, а человек. И, как ни удивительно, но, кажется, кобыла его поняла. Минуту-другую она лежала неподвижно, только бока ходили ходуном. Потом дыхание ее постепенно выровнялось, она открыла глаза и снова попыталась подняться. В этот раз попытка оказалась удачной. Не без труда она встала на ноги и стояла теперь, слегка вздрагивая и кося на Загорского испуганным взглядом.

– Есть у тебя сахар или другое какое лакомство? – спросил Нестор Васильевич у лихача.

Тот засуетился: а как же! И сахарок есть, и морковка, сейчас, сейчас... Он покопался в карманах и, выудив оттуда кусок пиленого сахара, передал статскому советнику. Тот протянул сахар лошади на

открытой ладони. Та деликатно подхватила сладкий кусочек большими теплыми губами.

– Ну вот, – сказал Нестор Васильевич кучеру, – вот уже и лучше. Ты уж, братец, сегодня не утруждай ее больше, пусть отдохнет твоя скотинка.

Тот с готовностью закивал: само собой, пусть отдохнет. Вот только... не знают ли господа хорошие, что это за напасть такая с животинкой приключилась? Загорский пожал плечами – трудно сказать, может быть, эпилепсия. Раньше что-то подобное с ней бывало?

– Да как сказать, – замялся возница, – может, и бывало, мне неизвестно. Я ведь ее только две недели как купил.

Нестор Васильевич нахмурился. Как бы то ни было, на самотек дело пускать нельзя. Лошадь надо обязательно проверить, сводить ее к ветеринару, пусть посмотрит, что с ней и как.

– К ветинару, – закричал кучер, – да ведь к ветинару, поди, денег стоит.

Загорский кивнул: стоит. Да только ведь лошадь эта – его кормилица. Не будет она здоровой, на что он сам жить станет?

– Да ежели она так всякий раз биться будет, проще уже ее татарам на колбасу отдать, – сказал какой-то потрепанный зевака; их десяток столпилось сейчас вокруг опрокинутого экипажа, и все с большим интересом следили за ходом беседы.

– Это тебя надо на колбасу, – отвечал ему Ганцзалин, – причем не откладывая дела в долгий ящик.

Вид у него при этом сделался настолько свирепый, что зевака поспешил ретироваться. Нестор Васильевич тем временем дал вознице пять рублей, велел сводить лошадь к ветеринару и купить лекарства, которые тот пропишет.

– Вряд ли это врожденное, – сказал он, имея в виду приступ. – Лошадь молодая, но взрослая. Вероятнее всего, последствия какой-то травмы. Будем надеяться, что все обойдется.



С этими словами они с Ганцзалином подхватили свои саквояжи и стали высматривать другого извозчика. Помощник поглядывал на часы и с каждой секундой становился все более хмурым.

– Что с тобой? – спросил Нестор Васильевич.

– Да лошадь эта, будь она неладна! – с досадой отвечал тот. – На поезд теперь опоздаем из-за нее.

Загорский ответил небольшой тирадой, суть которой сводилась к тому, что если они опоздают на поезд, то, значит, так предначертано судьбой. Не говоря уже о том, что нынче из Москвы до Владивостока поезда ходят по несколько раз в день. Опоздают на этот поезд – сядут на следующий, и нечего портить себе печенку, переживая из-за всяких пустяков. Чугунка<sup>[2]</sup> от них никуда не убежит.

Ганцзалин скорчил рожу, но возражать все-таки не решился.

\* \* \*

В конце концов, вышло так, как и предсказывал Нестор Васильевич. На свой поезд они опоздали, однако сели на следующий. Начальник вокзала, посмотрев предписание, выданное Загорскому, взял под козырек и тут же устроил им билеты в спальный вагон прямого сообщения, то есть в двухместное купе – так, чтобы никто их не побеспокоил.

Проводник проверил выданные им буроватые картонки и с легким поклоном пригласил войти в вагон. Поезд у них был не обычный пассажирный, а смешанный: к нему прицеплялись военные вагоны, где ехали отправляемые на фронт части.

– Хорошо быть важными птицами, – ворчал Ганцзалин, втаскивая саквояжи в поезд – хозяин хотел сдать их в багажный вагон, но помощник был категорически против. – Перед вами всюду – красная дорожка. А были бы вы, например, не статским советником, а надворным, или даже титулярным, что было бы?

– Титулярного советника на фронт с таким заданием не пошлют, – негромко отвечал Загорский, на всякий случай выглянув в коридор и только потом закрывая двери купе.

Ехали они первым классом, в их купе был огромный мягкий диван с поднимавшейся спинкой, которая трансформировалась в полку для второго пассажира. Напротив дивана стояло кресло, на стене висело зеркало, а посередине располагался столик, застеленный белоснежной скатертью, на котором помещалась лампа с абажуром. Для восхождения на верхнюю полку имелась даже вмонтированная лесенка. Освещалось купе газовым рожком, причем, если верить инструкции, пассажиры могли «разобщить внутренность фонаря от внутренности вагона», то есть, попросту говоря, сами выключить свет.

– Нам повезло, – заметил Загорский, – нам достался вагон от сибирского экспресса.

– И какая разница с другими? – любопытствовал Ганцалин.

Разница, во-первых, была в бóльшем комфорте. Во-вторых, по словам статского советника, это был бронированный вагон. Крыша его оказалась обшита медными листами, а нижняя часть вагона и вовсе была пуленепробиваемая, из металла толщиной до полудюйма.

– Итак, что у нас за задание? – негромко спросил Ганцалин, когда они наконец уселись, и он исследовал темно-зеленые стены купе на предмет наличия в них дырок, к которым могло бы приложиться чье-нибудь любопытное ухо.

– Задание, брат, особенное, – вздохнул Нестор Васильевич. – И особенность его состоит в том, что никакого определенного задания у нас нет.

Говоря так, статский советник почти не лукавил: задание действительно было несколько расплывчатым...

\* \* \*

– Ну а чего же вы хотите, мой дорогой: контрразведка у нас пребывает в младенческом состоянии, – вздохнул патрон, глядя на Нестора Васильевича с такой печалью, как будто это Загорский был виноват, что контрразведка российская все никак не вылезет из подгузников. – До последнего времени ей занимались все кто угодно, начиная от нашего родного Министерства иностранных дел и заканчивая Военно-морским флотом. В 1903 году, как вы, конечно, знаете, при Главном штабе по инициативе военного министра генерала Куропаткина было создано так называемое разведочное отделение...

Про разведочное отделение Загорский, разумеется, слышал, но до сих пор удивлялся, зачем этому органу дали такое странное название.

– Конспирация, – развел руками тайный советник. – Чтобы враги не догадались... Впрочем, глупые названия у нас – это еще меньшее из зол. Настоящей бедой стал подход к этому делу. У нас контрразведку до последнего времени и вовсе в грош не ставили. Кто-то из иностранцев заметил, что контрразведку русские у себя завели исключительно из соображений приличия – везде есть, ну и у нас пусть будет. Как, знаете, человек, не умеющий играть ни на одном инструменте, все же ставит у себя в гостиной рояль – чтобы прослыть персоной изысканной и просвещенной.

Об экспериментальном характере русской контрразведки яснее всего свидетельствовало ее начальство. Главой контрразведки Генштаба стал бывший жандармский ротмистр Лавров, которому ради такого случая присвоили звание полковника. Работало вновь созданное учреждение в основном в Петербурге, и главной его заботой считалось сохранение военной тайны.

При начале войны с японцами стало ясно, что так называемое разведочное отделение Генштаба просто не в состоянии справляться с многократно возросшими обязанностями. Уже в разгар военных действий, после того как русские войска стали нести крупные потери от японцев, при Особом отделе департамента полиции была создана

еще одна структура – Отделение по розыску о международном шпионстве во главе с господами Комиссаровым и Манасевичем-Мануйловым.

– Но если Комиссаров до этого хотя бы служил жандармским ротмистром, то кто такой Мануйлов, ума не приложу, – раздраженно продолжал тайный советник.

Загорский заметил, что он слышал про Мануйлова: тот работал журналистом в Париже, был российским агентом влияния.

– Я знаю, кто такой Мануйлов, – отмахнулся патрон, – но ничего не знаю о его деловых качествах. Таким важным делом, как контрразведка, посылают заниматься людей случайных, выражаясь армейским языком, пороху не нюхавших. И все только потому, что завели у нас контрразведку для блезиру. А между тем российские войска, ведущие бои в Маньчжурии и Китае, задыхаются сейчас от происков японских шпионов. Половина наших военных неудач – да что половина, добрых три четверти – происходит из-за плохой работы контрразведки. Я лично настоял, чтобы на театр военных действий отослали полевых жандармов. Но и они не справляются с наплывом разведчиков. Судя по тому, что нам сюда доносят, там чуть ли не каждый второй – японский шпион. При этом шпионят, разумеется, не только японцы, но и местные жители – китайцы и корейцы, которых либо подкупили, либо запугали. И сладить со всем этим сбродом без настоящей, а не бумажной контрразведки нет никакой возможности...

– Вы, Николай Гаврилович, предлагаете мне организовать деятельность русской контрразведки на театре военных действий? – удивился Нестор Васильевич.

Тайный советник закричал.

– Не буквально организовать, – сказал он с некоторой досадой, – у нас и полномочий таких нет – там ведь всем командуют военные. Но, может быть, на месте, исходя из опыта, вам удастся определить некоторые принципы, которыми сможет руководствоваться

контрразведка в борьбе с японским шпионажем и диверсиями. Вы же знаток всей этой азиатчины, следовательно, вам и карты в руки.

Загорский с некоторым сомнением покачал головой: организовывать контрразведку прямо во время войны – идея не самая удачная.

– Выбора особенного у нас нет. Как говорится, лучше поздно, чем никогда, – отвечал тайный советник. – Мы уже столько раз разбивали лоб о японских шпионов, что пора наконец и о шлеме позаботиться. Впрочем, это еще не все.

Перехватив удивленный взгляд Нестора Васильевича, его превосходительство упрямо кивнул головой, подтверждая: еще не все! Камакура, которого поймал Загорский, оказался крепким орешком. Демонстрирует чрезвычайную стойкость и не сказал ни единого слова о своей деятельности в Петербурге. Тем не менее жандармам удалось установить его связь с неким пехотным капитаном с польской фамилией Шиманский. Человек этот, как выяснилось, появился в столице вскоре после начала Русско-японской войны.

– Хаживал он в офицерское собрание на Литейном, там познакомился со многими полезными людьми, вообще, вел себя довольно активно, однако больше слушал, чем говорил. Как свидетельствуют знавшие его люди, товарищ он хороший, хоть и поляк.

Загорский хмыкнул.

– Ну да, – с раздражением кивнул его превосходительство, – все наш великорусский шовинизм. «Товарищ хороший, хоть и поляк». Впрочем, полагаю, тут есть свой смысл. Что вам известно о Польской социалистической партии?

Польская социалистическая партия, или ППС, была партией революционно-националистического толка. Основной ее задачей стало создание независимой от России польской республики. В феврале 1904 года, почти сразу после нападения Японии на Россию,

руководство ППС выпустило воззвание с осуждением захватнической политики Российской империи на Дальнем Востоке.

– Разумеется, заявили о необходимости нашего поражения – все для того, чтобы полякам легче было выйти из состава Российской империи, – продолжал тайный советник. – Но заявления – это ладно, как говорится, брань на ворота не виснет. Хуже, что они взяли курс на подготовку вооруженного восстания. Решили, что называется, вонзить нож в спину. Умно, ничего не скажешь. Пока мы бросили основные силы на восток, они решили пощекотать нас на западе.

Как объяснил патрон, с началом Русско-японской войны все посольство Японии покинуло Санкт-Петербург и спустя некоторое время разместилось в Стокгольме. В состав посольства входил военный атташе полковник Акаси Мотодзирó, который фактически возглавил в Европе японскую агентуру.

В марте член Центрального революционного комитета ППС Витольд Йодко предложил полковнику Акаси план вооруженного восстания, который собирались реализовать поляки. Уже в июле в Токио для переговоров с японцами прибыл один из лидеров ППС Юзеф Пилсудский. Японцы на диверсии и шпионаж выделили полякам 20 тысяч фунтов стерлингов...

– Это, выходит, двести тысяч рублей, – хмыкнул Нестор Васильевич. – Сумма немаленькая, но ничего сногшибательного.

– Это только то, что известно нам, – отрезал его превосходительство. – Наверняка с тех пор были еще поступления. Впрочем, важно не это. Важно, что польские социалисты вступили в игру и господин Шиманский, вероятно, является их эмиссаром. Так вот, сразу после ареста вашего Камакуры наш поляк исчез из Петербурга. Есть основания полагать, что японец перед арестом передал ему добытые сведения и тот отправился напрямик в Маньчжурию или Корею – словом, на театр военных действий. Там он либо передаст эти сведения представителю японской военной разведки, либо попытается как-то использовать их против нас прямо на месте. Те сведения, которые он раздобыл, делают уязвимыми

наши войска и нашу военную технику. Если он просто передаст информацию японцам, у нас будет некоторое время подготовиться, чтобы смягчить последствия. Если начнет действовать сам, я опасаюсь больших для нас неприятностей. Разумеется, мы телеграфировали во Владивосток, однако тамошним жандармам и без того забот хватает. Откровенно говоря, я просто не надеюсь, что у них достанет умения и сил справиться с такой задачей.

И его превосходительство выразительно посмотрел на статского советника...

\* \* \*

Почти так же выразительно глядел теперь сам статский советник на своего помощника.

– Одним словом, будем ловить поляка, – подытожил рассказ Загорского Ганцалин.

– Будем ловить шпиона, – уточнил Нестор Васильевич.

– Как, вы сказали, его зовут? – спросил китаец.

– Зовут его Виктор Шиманский, – отвечал статский советник, – однако вряд ли это его настоящее имя. И уж точно он не будет под ним разгуливать на войне. На наше несчастье, по-русски говорит он чисто, без акцента, так что представиться может кем угодно – хоть поляком, хоть русским, хоть лифляндским немцем.

С этими словами он открыл свой саквояж и вытащил оттуда пухлую коричневую папку. Положил на столик, раскрыл. Папка оказалась полна газетными вырезками, поверх которых лежало несколько страниц, покрытых убористой машинописью.

– Что это? – спросил китаец.

Нестор Васильевич отвечал, что это газетные материалы, касающиеся текущего положения на фронте. И кроме того, резюме, подготовленное по просьбе его превосходительства Главным штабом русской армии.

– Можно посмотреть? – помощник протянул руку к листам, но был неожиданно остановлен.

– Не стоит, – сказал статский советник. – Во-первых, это документы высшей секретности, во-вторых, я тебе лучше так расскажу, на словах.

На словах выходило примерно следующее. После прихода к власти императора Муцухито и объявленной им реставрации Мэйдзи Япония, веками закрытая от внешнего мира, вдруг повернулась к этому миру лицом...

– А точнее – наглой прищуренной мордой, – свирепо заметил Ганцзалин.

Хозяин укоризненно покачал головой: он несправедлив, в нем сейчас говорит китаец.

– А кто еще во мне может говорить? – удивился помощник. – Эфиоп? Или, может быть, мексиканец? Это во-первых. Во-вторых, морда у Японии на самом деле наглая. Это теперь поняли не только китайцы, но и русские.

Загорский никак не прокомментировал это двусмысленное замечание и продолжил.

К девяностым годам XIX века Япония ощутила настоятельную необходимость во внешних рынках. Она начала с того, что попыталась распространить свое влияние на Корею. Но тут коса нашла на камень: против Страны восходящего солнца выступил Китай. Несмотря на несопоставимые масштабы, маленькая Япония легко разгромила армию Поднебесной. Война между ними завершилась подписанием Симоносекского договора.

По этому договору Китай отказался от всех своих прав на Корею и передал японцам некоторые территории, включая Ляодунский полуостров и Маньчжурию. Однако такое усиление Японии пришлось не по вкусу европейским государствам. Германия, Франция и Россия заставили Японию отказаться от Ляодунского полуострова, и чуть позже тот перешел в аренду к России.



Подобный поворот чрезвычайно не понравился теперь уже самим японцам. Они стали вооружаться, чтобы отстаивать свои интересы на Дальнем Востоке. Россия тем временем продолжала осваивать Маньчжурию и занялась разработкой лесных концессий в Корее. Точнее говоря, начала возводить там военные объекты.

Япония потребовала от России, чтобы та очистила Маньчжурию согласно подписанному с китайцами договору и, кроме того, не появлялась в Корее. Николай Второй, однако, на уступки не пошел. Уже в декабре 1903 года Главный штаб доложил самодержцу, что Япония готова к войне и ждет лишь удобного случая, чтобы напасть.

Так оно и случилось. В ночь на 27 января 1904 года Япония атаковала русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура.

– Подло атаковала, – не выдержал Ганцзалин. – Без объявления войны!

Нестор Васильевич резонно заметил, что Япония руководствовалась привычными ей обычаями. Если хочешь победить, врага надо застать врасплох. Зачем же в таком случае объявлять войну? Ведь враг тогда успеет подготовиться, и первый удар не будет столь сокрушительным...

– Подлость никакими соображениями не оправдать, – сказал помощник, хмурясь.

– Это верно, – неожиданно согласился Нестор Васильевич и продолжал свой рассказ.

В январе того же года тогдашний военный министр Куропаткин обвинил министра внутренних дел Плеве в том, что тот содействовал развязыванию войны. Плеве, однако, полагал, что война с Японией пойдет России на пользу. Слишком активны стали в России революционеры, слишком неустойчив трон. На претензии же Куропаткина Плеве отвечал, что «нам нужна маленькая победоносная война, чтобы удержать революцию».

– Каким же это образом можно остановить революцию войной? – недоумевал Ганцзалин.

– Этого я не знаю, я, как легко заметить, далеко не Плеве, – отвечал статский советник. – В любом случае самому Плеве война не помогла. Как известно, этим летом эсер-бомбист бросил бомбу в его карету, и Вячеслав Константинович отправился к праотцам.

Впрочем, Плеве оказался прав в одном: война вызвала необыкновенный подъем патриотизма. Ввиду начавшейся войны притихла и временно отказалась от своих требований даже русская оппозиция.

Так или иначе, уже 21 февраля японцы заняли Пхеньян, а в конце апреля вышли к реке Ялú, по которой проходила русско-корейская граница. Еще в марте в Порт-Артур прибыл адмирал Макаров. Он принял энергичные меры для восстановления боеспособности русской эскадры. Японцы пытались перекрыть выход из гавани Порт-Артура русским военным кораблям, но безуспешно. Макаров оказался не только умным флотоводцем, но и отличным организатором.

– Увы, – заметил Загорский, – бог войны оказался не на нашей стороне. 31 марта броненосец «Петропавловск» налетел на минное заграждение и затонул. Погибло 650 человек, в том числе и адмирал Макаров.

Тем временем в конце апреля японская Первая армия форсировала реку Ялú и нанесла поражение частям российской Маньчжурской армии.

Уже 3 мая японцы потопили у входа в гавань Порт-Артура восемь транспортных судов и блокировали русский флот. Благодаря этому Вторая японская армия смогла высадиться в Маньчжурии. Русский гарнизон Порт-Артура под командованием генерала Стесселя и русская эскадра контр-адмирала Витгефта противодействовать высадке не смогли.

27 апреля наступающие японские части прервали железнодорожное сообщение между Порт-Артуром и Маньчжурией. Позже состоялось несколько сухопутных сражений между наступающими японцами и русской армией...

– Наши бились героически? – ревниво осведомился Ганцзалин.

– Как обычно, – коротко отвечал Нестор Васильевич.

Осталось, впрочем, неясно, что он имел в виду. То ли наши бились, как обычно, героически, то ли бились не героически, а как обычно. В любом случае успех был на стороне японцев, и уже 9 августа Порт-Артур был окружен по всему периметру, и началась его тесная осада. Незадолго до этого в морском бою погиб адмирал Витгефт, и положение русских в Порт-Артуре стало крайне незавидным...

Тут Загорский умолк и прислушался к чему-то.

– Что такое? – спросил помощник.

– Ты ничего не слышишь?

Ганцзалин наострил уши.

– Женский голос, – проговорил он.

– Более того – знакомый женский голос, – кивнул Нестор Васильевич. – Готов поклясться, что я слышал его совсем недавно.

Они выглянули из купе. Коридор был пуст, только ближе к концу вагона стоял и смотрел на проносящиеся мимо мокрые осенние поля шатен лет тридцати – в штатском, но с военной выправкой. В руке у него дымилась папироса, сухой горячий пепел с нее он стряхивал в открытое окно.

Мимо шатена не торопясь прошел пехотный полковник и скрылся в уборной. Шатен бросил вслед ему быстрый взгляд и продолжал курить.

– Постой пока тут, – шепнул помощнику Нестор Васильевич и направился в сторону загадочного курильщика.

Ганцзалин думал, что хозяин заведет с ним разговор, но Загорский прошел мимо совершенно молча. Вернулся он спустя пару минут и, не сказав ни слова, дал знак китайцу зайти в купе.

Они уселись на диван, вид у Загорского был задумчивый.

– Шпион? – негромко спросил его Ганцзалин.

Тот посмотрел на него непонимающе:

– Ты о ком?

– Этот, – проговорил китаец. – Который курит. Следит за кем-то?

Нестор Васильевич улыбнулся.

– Нет, скорее охраняет. Когда человек следит, он, во-первых, сосредоточен на объекте слежки, во-вторых, без крайней необходимости старается глаза окружающим не мозолить. А этот разглядывает всех мимо проходящих, и в фигуре его есть нечто настороженное. И уж во всяком случае он точно не наблюдает за нами. Впрочем, это стоит проверить. Как ты смотришь на то, чтобы отправиться в вагон-ресторан?

– А вещи? – ревниво спросил Ганцалин. – В поезде полно подозрительных рож, а у нас в купе – секретные бумаги.

– Ну, во-первых, не такие уж они и секретные, – улыбнулся Нестор Васильевич. – А во-вторых, несколько действительно секретных листов легко поместятся в кармане моего пиджака. Что же касается наших с тобой брюк и сорочек, вряд ли кто-то на них позарится.

Бурча, что хозяин недооценивает важности одежды и что разведчик в штанах и разведчик без оных – две совершенно разные в глазах общества фигуры, Ганцалин все же последовал за статским советником, при выходе из купе бросив по сторонам пару свирепых взглядов. Взгляды эти, впрочем, пропали втуне, потому что в коридоре в этот момент все равно никого не было.

Загорский тем временем уже ушел почти в самый конец вагона – туда, где раньше стоял курильщик-шатен. На миг он задержался у двери купе, где раньше стоял шатен, как бы борясь с желанием заглянуть внутрь, но потом махнул рукой и прошествовал дальше. Ганцалин решительно устремился следом за господином.

## Глава третья. Быстрая смена караула

Вагон-ресторан был почти полон, так что Загорский с Ганцзалином не сразу нашли себе свободное место. Слева по ходу поезда располагались двухместные столики, справа – столики на четыре персоны.

– Где устроимся? – спросил Загорский у Ганцзалина.

– Здесь, – отвечал помощник и решительно указал на четырехместный столик справа.

Нестор Васильевич пожал плечами: на его взгляд, им вполне бы хватило двухместного.

– Вам бы хватило, а мне бы не хватило, – отрезал китаец и, пока господин не передумал, быстренько уселся за облюбованный стол. Статский советник, покачав головой, присоединился к помощнику.

Мягкие кожаные полукресла, накрахмаленные скатерти, белоснежные салфетки в салфетницах, вазы с цветами на столах – все выглядело чрезвычайно мирно, и никак нельзя было догадаться, что поезд следует прямым ходом в места, где люди убивали друг друга всеми возможными способами за идеи весьма туманные и отвлеченные, а большинству из них и вовсе чуждые и непонятные.

– Роскошно, – сказал Ганцзалин, внимательно оглядывая вагон-ресторан. – Интересно, солдаты, которые едут в нашем поезде, ходят сюда обедать?

– Боюсь тебя огорчить, друг мой, но, думаю, сюда не ходят даже офицеры, которые этих солдат сопровождают, – отвечал Загорский. – Большинству из них это просто не по карману – исключая высшее и старшее офицерство. Да никто и не пустит простого армейского служаку туда, где обедают господа из первого и второго классов.

Он открыл принесенное официантом меню и теперь рассеянно его просматривал. Потом хмыкнул.

– Впрочем, я не совсем прав. Война видна и тут. Из закусок подают разные бутерброды, в том числе с паюсной икрой, а также

волованы, яйца, французский хлеб и сдобные булки. Из напитков – чай, кофе, воды, клюквенный квас и молоко. Горячее – щи, суп с курицей и консоме. Кроме того, селянка, бефстроганов, салат оливье, а также холодный ростбиф, ветчина и язык. Негусто, другой.

– Это вам все-таки не «Палкин», а вагон-ресторан, – проворчал помощник.

– На заграничных поездах в вагонах-ресторанах такого класса можно было закусить куда интереснее, – возразил Нестор Васильевич. – Говорю тебе, все дело в войне, рано или поздно она почувствуется всюду. Если, конечно, мы не прекратим ее в ближайшие же месяцы.

Ганцалин пожал плечами: кто же ее прекратит? Японцы? Тогда зачем бы было ее затевать? Единственный способ прекратить войну – это выиграть ее.

– Или проиграть, – отвечал Нестор Васильевич. – Как ни печально, стоит рассматривать и такой вариант развития событий.

Помощник отвечал, что Россия не может проиграть Японии, это совершенно невозможно. Несопоставимы размеры, ресурсы – человеческие и финансовые. Отчизна их похожа на гигантского доисторического ящера, который разворачивается медленно, но уж если развернется, затопчет все вокруг.

– В том-то и дело – когда еще он развернется, этот ящер, – отвечал Загорский. – Пока он будет разворачиваться, ему откусят хвост и погрызут ноги. На войне надо действовать не просто отважно, этого у наших солдат хватает, на войне надо действовать быстро и точно. А с этим, как видишь, у нас большие трудности. Нет, конечно, как бы ни складывалась ситуация, японцы не захватят Россию и не принудят ее к капитуляции. Однако они смогут серьезно потрепать наши войска на Дальнем Востоке. Чем, собственно, они сейчас и заняты.

– Чего желаете-с? – подскочивший официант наклонился к Загорскому, которого безошибочно определил главным в компании.

Нестор Васильевич посмотрел на него, прищурился, и отвечал:

– Сказать откровенно, я бы желал, чтобы государь император и японский микадо как можно скорее договорились и заключили мир. Есть у вас возможность исполнить это мое желание прямо сейчас?

Официант от неожиданности потерял дар речи и только нерешительно топтался возле столика, не зная, как вести себя в столь сложном и двусмысленном случае.

– Очевидно, возможности такой вы не имеете, – заключил Загорский. – А раз так, дайте нам два бутерброда с икрой, чаю, салат оливье и две порции ростбифа.

– И квасу, пожалуйста, – добавил Ганцзалин.

Официант кивнул и исчез.

– Квасу? – удивился Загорский. – Намекаешь на свой патриотизм?

– Не намекаю, а прямо говорю, – проворчал Ганцзалин. – Сейчас такое время, когда русские, китайцы и все остальные должны сплотиться вокруг императорского трона и дать по морде японским мордам.

– Звучит несколько грубовато, но особенных возражений не вызывает, – кивнул Нестор Васильевич.

После того как согласие по главным вопросам бытия было достигнуто, оба собеседника ненадолго умолкли, ожидая, когда официант принесет заказанное. Однако насладиться ужином в одиночестве им так и не удалось. Дверь вагона-ресторана открылась, и на пороге показалась барышня, одетая в серую амазонку. Заметив, что лицо хозяина неуловимым образом изменилось, китаец обернулся на дверь и замер.

– Я же говорил – знакомый голос, – безмятежно заметил Загорский.

Хотя Ганцзалин и Нестор Васильевич ранее видели эту барышню всего только раз, да и то совсем в другом костюме, они безошибочно ее узнали. Ниспадавшие из-под охотничьей шляпки глянцевочерные волосы, круглое лицо, большие темные миндалевидные глаза, чуть вздернутый очаровательный носик, слегка припухлые

губы, с которых вот-вот должна была сорваться улыбка, газовый шарфик на шее, который, судя по всему, прикрывал недавно полученный порез. На них глядела невеста Камакуры-сенсея – в этом не могло быть никакого сомнения. К слову сказать, за спиной у нее маячил тот самый шатен, которого Ганцзалин заподозрил в шпионаже в пользу неизвестно какой державы.

Увидев Загорского, мадемуазель Алабышева, так и не ставшая госпожой Камакуровой, захлопала ресницами. На губах у нее возникла неуверенная улыбка, она на миг застыла на месте, видимо не зная, как поступить. Шатен выглянул из-за ее спины и внимательно осмотрел вагон-ресторан, видимо пытаясь понять, что ее так обеспокоило.

– Похоже, мы своим появлением поставили барышню в неудобное положение, – тихонько проговорил статский советник.

– Это она нас поставила, – пробурчал Ганцзалин. – Лично я никуда отсюда не уйду, пока не поужинаю.

– Благородный муж не должен стеснять даму, – с легким укором заметил статский советник.

– Благородный муж объелся груш, – парировал помощник. – Это во-первых. А во-вторых, Конфуций много говорил о мужчинах, но мало о дамах. Он говорил, что женщина – это низкий человек: если приблизишь ее, она сядет тебе на голову.

– Конфуций был сыном своего патриархального времени, – вздохнул Нестор Васильевич. – Сегодня, я думаю, он бы изменил свое мнение о женщинах.

– Ничего бы он не изменил, – возразил китаец. – Может, высказывался бы поосторожнее. Кому охота, чтобы бешеная феминистка ткнула тебя зонтиком в глаз?

Статский советник начал было говорить, что у Ганцзалина устаревшее представление о феминистках и об их бешенстве, но тут же и умолк. Стало ясно, что барышня Алабышева решила все же подойти к их столику. Возле нее ужом вился официант, пытавшийся сказать, что мест пока нет и лучше бы барышне прийти чуть позже,



но она шла вперед решительно, словно и вовсе его не замечала. Спутник ее, которому, очевидно, официант надоел, просто отодвинул того в сторону и шел следом за барышней.

– Здравствуйте, господа, – сказала мадемуазель Алабышева, подходя к столику.

Загорский поднялся из-за стола и поприветствовал ее самым сердечным образом. Ганцалин лишь привстал со своего места и скроил физиономию, которую при известном усилии воображения можно было бы счесть любезной.

Загорский тем временем перевел взгляд на спутника барышни. Теперь можно было рассмотреть его во всех подробностях. Это был мужчина лет тридцати, светлый шатен, роста скорее среднего, чем высокого, бритый, но с небольшими бачками, голубыми с поволокой глазами, прямым носом и тонкими, как будто все время поджатыми губами. Одет он был в штатское, но выправка выдавала в нем военного.

Алабышева представила его Загорскому как своего старинного друга, Павла Петровича Белоусова.

– А это вот господин Загорский, он спас мне жизнь, – несколько сбивчиво заявила Алабышева.

– Ей-богу, Анастасия Михайловна, вы преувеличиваете мои скромные заслуги, – засмеялся статский советник, подавая руку Белоусову.

Китайцу показалось, что, когда Алабышева назвала фамилию статского советника, глаза нового знакомого как-то странно вспыхнули. Правда, они тут же и погасли, так что вполне возможно, что он ошибся. Впрочем, некоторая видимая настороженность в поведении Белоусова все же сохранялась.

Нестор Васильевич с присущим ему дружелюбием пригласил Алабышеву и ее спутника присоединиться к нему и его помощнику. Снова позвали официанта, уточнили заказ, и наконец пришло время светских разговоров.

Выразив искреннее восхищение не по-сентябрьски теплой погодой, статский советник поинтересовался, какими судьбами оказалась мадемуазель Алабышева в поезде, следующем в военный Владивосток.

– Надеюсь, вы не завербовались сестрой милосердия, – сказал он озабоченно, – нынче это весьма опасное занятие, хоть и весьма патриотическое.

Барышня и спутник ее обменялись молниеносными взглядами, которых, похоже, статский советник ухитрился не заметить.

– Нет, – отвечала Анастасия Михайловна, – на такой решительный шаг моего патриотизма не достало. Я, собственно, и не во Владивосток еду, а в родное поместье, в Уфу.

– А господин Белоусов, очевидно, вас сопровождает, – благожелательно подсказал Нестор Васильевич.

Алабышева неожиданно улыбнулась. Она знает, о чем думает Загорский: только-только расстроилась ее свадьба, а с ней рядом уже новый кавалер. Не слишком ли быстрая смена караула? Однако все это лишь видимость. На самом деле, как уже говорилось, они с Павлом Петровичем всего лишь старинные друзья...

– Ну, откровенно говоря, я хотел быть для Анастасии Михайловны чем-то большим, чем просто друг, – с улыбкой проговорил Белоусов. – Но, увы, я не в ее вкусе. Вероятно, я слишком брутален и недостаточно похож на японца.

– Ах, Павел, перестаньте! – Алабышева хлопнула его по руке и принужденно засмеялась.

Ганцалин посмотрел на хозяина, и Загорский в глазах его прочел: а этот Белоусов неплохо ведет свою игру. Нестор Васильевич слегка поднял брови – хорошо бы еще знать, что это за игра такая.

– Ну а вы, господин статский советник, для чего едете во Владивосток – по личным делам или по службе? – полюбопытствовал Белоусов.

– Я не говорил, что еду во Владивосток, – заметил статский советник, – но догадка ваша верна: мы с помощником едем именно

туда, причем по делам служебным.

– И в каком же качестве вы туда направляетесь? – Вид у Белоусова был самый простодушный.

Алабышева метнула быстрый испуганный взгляд на Загорского.

– Я дипломат, – любезно отвечал Нестор Васильевич.

– Вот как? – удивился Белоусов. – Я-то полагал, что, когда говорят пушки, дипломаты молчат.

– Это не совсем так, – покачал головой Загорский. – Просто, когда говорят пушки, голос дипломатии не так хорошо слышен. Однако, уверяю вас, он становится очень весомым – особенно когда положение на фронте делается тяжелым. Настоящее занятие дипломата именно в том и состоит, чтобы заставить пушки молчать.

Белоусов покивал: да, это совершенно справедливо. Впрочем, что касается его, то он больше рассчитывает на убедительность пушек. Сейчас он проводит Анастасию Михайловну до дома и намерен сам отправиться на фронт добровольцем.

– Какова же ваша военная специальность? – любопытствовал Нестор Васильевич.

– Я инженер, – отвечал Белоусов, – эта специальность универсальная.

– Тогда вас, скорее всего, отправят в Порт-Артур, – заметил Загорский. – Сейчас инженеры нужны там не меньше, чем артиллеристы. А может быть, и больше.

Белоусов кивнул. Он слышал, что укрепления в Порт-Артуре не в лучшем состоянии. Ими уже после начала боевых действий всерьез занялись инженер Рашевский и генерал Кондратенко. Однако за несколько месяцев все равно не сделаешь то, что требует по меньшей мере нескольких лет. Кроме того, Порт-Артур – в тесной осаде, и пробраться туда через японские полчища совершенно невозможно.

– Опыт подсказывает мне, что для человека, поставившего перед собой по-настоящему большую цель, невозможного мало, – улыбнулся Загорский.

Беседа продолжалась под оливье, ростбиф и ветчину.

– Как тут уютно! – воскликнула мадемуазель Алабышева, осматривая вагон-ресторан. – Ни за что не подумаешь, что где-то далеко идет война.

Мужчины промолчали, один только Ганцзалин заметил, что война идет не так уж и далеко – всего через две недели езды они окажутся на театре военных действий.

– А что вы будете делать во Владивостоке? – поинтересовалась Алабышева. – Неужели войдете в сношение с японцами?

Загорский коротко заметил, что, если понадобится прекратить войну, он войдет в сношение хоть с самим чертом. Однако все дело в том, что в конфликте, кроме Японии и России, есть и другие заинтересованные стороны, с которыми, вероятно, и придется иметь дело.

– Что же это за стороны такие? – с любопытством осведомилась Анастасия Михайловна.

– С нашей стороны – Франция, с японской – Британия и Соединенные Штаты, – отвечал статский советник. – Правда, от Франции нам тут толку как от козла молока, ну, разве что моральная поддержка. Все-таки она слишком далеко от места событий.

Белоусов удивился: а Америка и Британия не слишком далеко?

– Видимо, недостаточно, – мрачно сказал Загорский. – Дальность тут определяется не расстоянием, а готовностью вмешаться в конфликт. Так вот, у англосаксов такая готовность имеется, а у наших друзей-галлов – нет. К тому же еще до начала войны французы заявили, что наш с ними союз относится только к европейским делам. Хотя, конечно, усилением Японии они тоже недовольны.

– А немцы? – с интересом спросил Белоусов. – Чью сторону занимают немцы?

Статский советник отвечал, что, насколько можно судить по газетам, в Германии на этот счет нет единого мнения. Формально она соблюдает нейтралитет. Говорят, правда, что император

Вильгельм Второй благоволил России и пишет своему «кузену Ники» письма поддержки...

– Это поистине братская поддержка, – кивнула Анастасия.

Нестор Васильевич поморщился. Есть основания полагать, что родственные чувства тут ни при чем. Вильгельм еще до войны науськивал русского императора на Японию.

– Науськивал? – изумился Белоусов. – Какая странная у вас лексика применительно к коронованным особам.

Статский советник пожал плечами. Хорошо, если ему так больше нравится, пусть будет не науськивал, а подстрекал или подговаривал. Суть дела от этого не меняется: немецкий кайзер хотел этой войны и всеми силами ей способствовал.

Алабышева смотрела на Загорского с удивлением – но зачем это Германии?

– Вероятно, извечная немецкая привычка делить людей по национальному и расовому признаку. Стало известно, что на секретном докладе германского посланника в Японии кайзер собственноручно начертил следующее: «Русские защищают интересы и преобладание белой расы против возрастающего засилья желтой. Поэтому наши симпатии должны быть на стороне России».

Белоусов засмеялся. Вероятно, чтобы добраться до секретного доклада германского посланника, нашей разведке пришлось напрячь все силы? Нестор Васильевич покачал головой – вовсе нет. Когда речь идет о приятных вещах, их не прячут. Искать доклад не понадобилось: среди немцев нашлись люди, которые донесли до русских мнение своего императора.

– Тут важнее не это, – заметил статский советник. – Важнее сам подход кайзера, его националистическая позиция и убежденность в том, что белая раса стоит над всеми остальными.

– Но это ведь вещь, само собой разумеющаяся, – удивился Белоусов.

– Это для нас она само собой разумеется, а для японцев, китайцев, индийцев это вовсе не так очевидно, – тон у Загорского сделался сухим. – Наше пренебрежительное отношение к японцам как к макакам привело к тому, что мы проигрываем сражение за сражением. Мир меняется, и мы должны научиться жить на равных с другими народами и расами. В противном случае мы как народ потеряем то, что имеем сейчас.

При этих словах Анастасия как-то странно поглядела на статского советника. Белоусов несколько секунд тоже глядел на него с удивлением, но потом на лице его мелькнула тень догадки.

– Понимаю, – кивнул он, – вы так говорите, чтобы не обидеть вашего помощника.

– Я никого не хочу обидеть, даже вас, – отвечал статский советник, вставая из-за стола. – Засим позвольте откланяться, нас ждут дела.

Он положил на стол пятирублевую ассигнацию, слегка поклонился барышне и двинулся к выходу. За ним, ядовито ухмыляясь, следовал Ганцзалин.

Спустя минуту они были уже в своем купе.

– Ну как тебе нынешняя внезапная встреча? – полюбопытствовал Загорский, едва только за ними закрылась дверь, надежно отделившая их от коридора.

– Никогда бы не подумал, что мадемуазель Алабышева – шпионка, – протянул Ганцзалин, почесав подбородок.

Нестор Васильевич с неудовольствием заметил, что война повлияла на помощника самым неприятным образом – он всюду видит шпионов.

– А что – не так? – вскинулся китаец. – По-вашему, она не шпионка?

– Ну, разумеется, шпионка, – пожал плечами статский советник. – Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это заметить.

Озадаченный Ганцзалин почесал уже не подбородок, а кончик своего китайского носа и осведомился, что же они теперь будут

делать?

– Ничего не будем, – отвечал господин, – будем ехать, как ехали, в сторону Владивостока.

И, вытащив из пухлой папки газетную вырезку, углубился в чтение. Помощник поглядел на него с превеликим изумлением. Как это – ничего? Рядом с ними японская шпионка, а они ничего не предпримут? Может быть, хотя бы организовать за ней наблюдение?

– Никакого наблюдения, – буркнул Загорский, не отрываясь от статьи. – Это не наше дело.

Каждое новое слово статского советника повергало китайца во все большее изумление. Они едут на театр военных действий организовывать контрразведку и как ни в чем не бывало пропустят туда же японскую шпионку? Он понимает, господин никогда не говорит всего даже ему, но это, кажется, такой случай, который можно было бы разъяснить... Впрочем, как ему угодно. Пусть сюда явятся хоть все японские шпионы – лично он, Ганцалин, пальцем о палец не ударит, чтобы их схватить. Непонятно только, к чему тогда были все разговоры про патриотизм?

– Патриотизм – патриотизмом, шпионы – шпионами, – отвечал Нестор Васильевич, беря очередную вырезку. – Не тот патриот, кто видит всюду шпионов, а тот патриот, кто различает, где польза для отечества, а где вред. Ты, Ганцалин, верно определил род занятий мадемуазель Алабышевой, но совершенно неверно определил характер ее интересов. Почему ты решил, что она японская шпионка?

Помощник только руками развел. Алабышева – невеста японского шпиона, и какой же она еще может быть шпионкой, как не японской?

– Ты, кажется, забыл, что господин Камакура едва не зарезал ее, – заметил Загорский, вытаскивая из кармана карандаш и ставя еле заметный знак на полях заинтересовавшей его статьи. – Согласись, это выглядело довольно странно, если считать, что они оба японские шпионы.

Однако Ганцалин полагал, что ничего тут странного нет. Камакура просто боялся, что барышня не выдержит допроса и выдаст их обоих. Потому он и решил ее убить.

На это статский советник отвечал вполне резонно, что, если бы японец хотел убить барышню, он бы убил ее, благо возможности у него для этого имелись. Однако он просто прикрывался ей, чтобы сбежать. Но все равно, Ганцалина стоит похвалить за его приметливость. Правда, он, как в свое время доктор Ватсон, перепутал и поставил минус там, где следовало поставить плюс. Анастасия действительно шпионка, вот только шпионка она не японская, а русская.

– Хотите сказать, что это наша контрразведка приставила ее следить за Камакурой?

– Нет, разумеется. Но после того как японца арестовали, с барышней имел подробный разговор глава разведочного – или, точнее, контрразведочного – управления полковник Лавров. Тебе это неизвестно, но это известно мне. Исходя из этого, легко сопоставить два факта: разговор с Лавровым и поездка во Владивосток. Мадемуазель Алабышева была завербована. Это тем более очевидно, что вместе с ней едет жандармский офицер.

Ганцалин задумался. Судя по выправке и кривоватым ногам, Белоусов скорее кавалерист. Загорский согласился, что так оно, вероятно, и есть, и ничего в этом нет удивительного. Известно, что многие жандармы – бывшие армейские офицеры, которые проштрафились перед начальством или карьера их почему-то не удалась. В жандармах, таким образом, у них есть возможность выслужиться гораздо быстрее, чем в армии.

– Они едут в одном купе, – заметил Ганцалин. – Что, у полковника Лаврова не нашлось денег, чтобы расселить барышню и мужчину по разным помещениям?

– Так надежнее и безопаснее, – отвечал Загорский. – Семейная или просто романтическая пара вызывает меньше интереса, чем одинокая женщина и одинокий мужчина.



– Нам она сказала, что они просто друзья, – хмыкнул помощник.

– Но как это было сказано! Анастасия Михайловна намекнула, что они давно знакомы, а Белоусов заметил, что желал бы быть для нее чем-то большим. Они не хотели, чтобы мы поверили в рассказы о дружбе, они хотели, чтобы мы тоже приняли их за любовников. В противном случае действительно возникает вопрос, что это они делают в одном купе?

Ганцалин нахмурился. Ладно, пусть так. Но зачем же Алабышева нужна нашей контрразведке, да еще и на фронте?

– Японская разведка наверняка знает, что она невеста Камакуры. Ей доверия больше, чем любому русскому человеку. Может быть, она везет им какое-то послание или важные сведения от своего жениха. Полагаю, что ее задача – втереться в доверие к японцам и действовать по обстоятельствам.

– Но ведь она не училась разведке! – опешил Ганцалин.

– И не надо, – отвечал Нестор Васильевич. – Кто-кто, а ты должен знать, что женщины – прирожденные актрисы и прирожденные разведчицы, такова уж их природа. Им шпионить легче, чем кому бы то ни было. В Европе – из-за избыточного джентльменства, в Японии – потому что там женщин в грош не ставят. Одним словом, Лавров ее завербовал и правильно сделал. Ну а мы с тобой в это дело лезть не будем, у нас своих забот хватает.

И он углубился в чтение газетных вырезок.

## Глава четвертая. Вверх ногами над рельсами

Ночь прошла спокойно, выспаться сумел даже Ганцалин, который вообще-то в поездах всегда спал плохо. Однако, едва ночная тьма начала рассеиваться и в окнах явился жидковатый среднерусский рассвет, в дверь их купе осторожно постучали.

Нестор Васильевич мгновенно открыл глаза – казалось, что он и вовсе не спал, а только ждал сигнала подняться. Ганцалин уже сидел на верхней полке, револьвер в его руке глядел на дверь.

– Кто там? – вкрадчиво спросил Загорский, сам же мгновенно переместился с дивана, на котором спал, на кресло, которое стояло на другой стороне купе. Шаг был весьма разумный, если предположить, что за дверью стоял враг, готовый открыть стрельбу на звук.

Однако никакой стрельбы никто не открыл, напротив, из-за двери раздался негромкий женский голос.

– Нестор Васильевич, отоприте, пожалуйста! Это я, Анастасия.

Статский советник переглянулся с помощником. В косых глазах китайца читалось веселое: «Девушки опять будят вас по утрам – все как в старые добрые времена». Загорский нахмурился и показал Ганцалину кулак.

– Одно мгновение, – проговорил он, – только приведу себя в порядок.

Навык одеваться в считанные секунды, приобретенный им еще в кадетском корпусе, не изменил статскому советнику, и через минуту он уже встречал мадемуазель Алабышеву полностью одетым. Ганцалин, так и не слезший с верхней полки, соизволил только накинуть на себя халат и спрятать револьвер под одеяло.

– Прошу простить за столь ранний визит, – проговорила Анастасия, проскальзывая в купе и торопливо закрывая за собой

дверь. Ее била мелкая дрожь, глаза блуждали по сторонам, она судорожно сжимала руки перед грудью.

– Что случилось? – спросил Загорский, не тратя времени на светские условности.

– Прошу простить, – повторила мадемуазель Алабышева. – Вероятно, не следовало вас беспокоить. Но я в самом деле не знаю, что делать.

– Присядьте, – предложил статский советник, указывая на кресло. Сам он опустился на диван. Ганцалин в своем халате неподвижно смотрел на них сверху, словно какой-то домовый.

Анастасия поглядела на Загорского с благодарностью и опустилась в кресло, подрагивавшее от быстрого хода поезда. Она куталась в оренбургский платок, и было непонятно, то ли она озябла, то ли ее бьет нервная дрожь. Так она сидела, наверное, с полминуты, глядя в пол, а нервная дрожь все не унималась.

– Так что произошло? – мягко спросил Нестор Васильевич, видя, что она никак не может решиться.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

АНТИКУРС



ДЕЛО  
ПОБЕЖДЕННОГО  
БРОНТОЗАВРА



# Примечания

## 1

Речь идет о так называемой реставрации Мэйдзи, в ходе которой было отменено право самураев на ношение оружия, и они, таким образом, были уравнены в правах с простыми обывателями.

[Вернуться](#)

## 2

Чугункой в те времена обычно называли железную дорогу.

[Вернуться](#)